

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

О ВОЗМОЖНОСТИ ВВЕСТИ ИТАЛИАНСКУЮ ОКТАВУ ВЪ РУССКОЕ СТИХОСЛОЖЕНІЕ.

„Россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма не свойственно, изъ другихъ языковъ не вносить.“ Ломоносовъ въ письмѣ о прав. Рос. Стихотворства.

Нововведенія не должны быть спрашны въ Литтературу Русской. Опытъ, кажеся, могъ бы убѣдить насъ, что не косыми глазами, и опять не легковѣрно, но съ духомъ терпимости, взоромъ спрогноспышующимъ, мы должны смотрѣть на всякую новизну, намъ предлагаемую. Если мы вникнемъ въ исторію образованія Россіи вообще и въ исторію Литтературы нашей въ особенности — то увидимъ, что все Европейское, большею частию, образовалось у насъ пововведеніемъ, все

есиль прививокъ извнѣ. Народъ Русскій, происхожденіемъ полуазіатецъ, имѣетъ счастливое свойство воспринимать въ себя всѣ плоды, которые Европа, совершеннѣйшая человѣчество, произраспила вѣками. Общее свойство народа отражается и въ языкѣ его. Разумѣется, сіи пересадки позволены только при вѣрномъ знаніи почвы и во благое время. Посему-по Русскій человѣкъ особенно долженъ дѣйствовать съ сознаніемъ, съ опчетомъ, съ выборомъ: ибо онъ послѣдній входитъ въ кругъ Европейскаго человѣчества; ибо не вообще долженъ ему являться опыты другихъ народовъ; ибо онъ прежде видитъ, прежде учится, нежели дѣйствуетъ.

Все, сказанное выше, примѣняется къ испоріи нашей словесности и въ особенності къ формамъ *Русско-Европейской* Поэзіи. Со времени Ломоносова, сего Пестра въ царствѣ Русскаго слова (ибо Ломоносовъ позже совершилъ въ одной части образованія нашего, что Пестръ въ цѣломъ), со времени Ломоносова только, Лингвистика Русская существуетъ въ Европейскихъ формахъ. Ломоносову рѣшительно принадлежитъ введеніе поническаго метра въ нашу Поэзію, хотя до него и были нѣкоторые слабые опыты (*); но вѣдь Эсхила,

(а) Введеніе поническаго метра должно считаться съ
Оды Ломоносова на взятіе Хотина въ 1739 году

а не Эсписа, называющаго творцемъ древней трагедіи; Шекспира, а не предшественниковъ его, коихъ сочиненія извѣстны, почитаютъ создателемъ Исторической Драмы или *Драмы-Хроники* (Лытописи). И такъ формы нашей перешней Поэзіи начались у насъ нововведеніемъ.

Послѣ Ломоносова Поэты продолжали шѣже нововведенія. Мало ли было споровъ за Нѣмецкой Гекзаметръ, на который положена была печать отверженія пѣвцомъ Телсмахиды? Но къ чему было спорить, если уже разъ принято ухомъ Русскимъ главное нововведеніе Ломоносова? Переводъ Илиады и столько прекрасныхъ стихотвореній дали право гражданства сему размѣру. Я самъ учился въ школѣ по той просодіи, гдѣ сказано было о пятистопномъ ямбѣ, что эпонъ стихъ весьма рѣдко употребляется, что онъ не годенъ въ Поэзію и встрѣчается только въ басняхъ Сумарокова. Въ поже время Жуковский ввелъ его—и кто теперь имъ не пишеть?—Такъ анапестъ былъ введенъ имъ же.

и съ Письма его о правилахъ стихотворства, гдѣ великій Поэтъ и Филологъ указомъ *положилъ*: »тѣ только слогъ считашь долгими, надъ которыми сила, а прочіе короткими, и употребляшъ стопы, опредѣленнымъ числомъ и порядкомъ учрежденныя.« Но самъ же позволилъ неправильные стихи, во избѣжаніе монотоніи.

Послѣ всѣхъ сихъ опытовъ, у насъ ли бояться нововведеній въ Поэзію? — У насъ, какъ въ народѣ всевосприѣмлющемъ, должны явиться опыты всякаго рода. Будемъ же хранить въ себѣ духъ терпимости, который всего болѣе намъ свойственъ и которымъ всегда отличался народъ Русскій въ отношеніи къ иноземцамъ, но котораго, къ сожалѣнію, слишкомъ чуждается теперь наша Литтература. Пересаживайте, прививайте: негодное завянетъ само собою, хорошее примется.

Сей приступъ о *нововведеніяхъ* я счелъ нужнымъ, намѣреваясь говорить о возможности ввести въ нашу Поэзію октаву Италіанскую, что хочу доказать въ разсужденіи, а главное на опытѣ.

Италіанское стихосложеніе занимаетъ средину между силлабическимъ размѣромъ Французовъ и тоническимъ мѣтромъ Нѣмцевъ. Оно чуждается немзыкальности перваго и боевой, спорограммѣнной, принужденной монофоніи послѣдняго, которая, къ сожалѣнію, возымѣла слишкомъ сильное вліяніе и на Русское ухо, приучивши его къ однообразному кдансу. Даже самые Нѣмцы позволяютъ себѣ большую свободу, чѣмъ мы—въ эпосѣ случаевъ ихъ послѣдователи. Французское стихосложеніе основано просто на числѣ стопъ, такъ

чпо вслкой, умбющій счишашъ до принадцапи, уже можешъ сложишъ спихъ. Другими словами, Французскіе спихи—(я говорю только о сосшавѣ оныхъ)—суть рубленая по счету слоговъ проза. Прочія прудности въ механическихъ формахъ ихъ Поэзіи суть мнимыя и изобрѣшенны однимъ педантизмомъ. Таковъ между прочимъ ихъ hiatus или спеченіе гласныхъ, опъ копорого молодые Поэпы Франціи начинаютъ однако опказываться. Спранно, какъ по, чпѳ для уха Италіанскаго, самага музыкальнаго въ новѣйшемъ мірѣ, и для Греческаго въ древности, сосшавляло особенную прелестъ—(я говорю о спеченіи гласныхъ),—для Французовъ есть величайшая ошибка прошивъ гармоніи (1). Французскіе Поэпы не

- (1) Не только въ Поэзіи Французской видна шакая искусственность, но и въ самомъ образованіи языка. На примѣръ, носовые звуки: an, en, on, in, un, кѣ копорымъ мы уже привыкли, вовсе не еспешственны, если мы въ нихъ виикнемъ. Чпѳ въ другихъ происходишъ опъ недосшашка природы или опъ болзненнаго поврежденія, то у Французовъ еспешственно. Мы съ легкостію произносимъ эти звуки, потому чпо слышимъ ихъ изъ дѣспіва; но Италіанцы, болѣе насъ вѣрные опечешственному языку, лучше насъ могутъ это засвидѣтельствовать: для Италіанскихъ дѣшей эти звуки сосшавляютъ необыкновенную прудность. Но еще сильтѣйшее доказательство есть музыка, копорая ихъ не шернитъ.

попимають ни ямба, ни хорей; однообразное удареніе всѣхъ словъ на концѣ ограничиваетъ ихъ однимъ числовымъ размѣромъ.

Нѣмецкое спихосложеніе напрошивъ есть число поническое, т. е. основано на удареніяхъ высокихъ и низкихъ, по спрогимъ правиламъ размѣщаемыхъ. Оно имѣетъ ямбъ, хорей, дактиль и такъ далѣе, чистые, и въ самомъ сочепаніи сихъ спонъ наблюдаетъ спрогой законъ однообразія. Посему размѣръ Нѣмецкій есть или ямбической, или хорейческой, или дактилохорейческой, и такъ далѣе. Нѣмецкое спихосложеніе чуждается свободы Италіянскаго и элизій, замѣняя ихъ апо-спрофами; однако и въ немъ иногда встрѣча двухъ гласныхъ, какъ въ Италіянскомъ, пріемлется за одинъ слогъ, какъ на пр. въ словахъ: *hau, auf*. Правда, что такія встрѣчи въ Нѣмецкомъ языкѣ, изобилующемъ согласными, бываютъ очень рѣдки.

Италіянское спихосложеніе есть силлабическо-поническое. Спихъ Италіянскій получаетъ наименованіе не по тону, а по числу слоговъ; но имѣетъ нѣкоторыя правила на счетъ размѣщенія удареній. Въ спихъ Италіянскомъ сливаются ямбы, хорей, дактили, анапесты, пиррихи, въ одну спройную гармонію, въ которой нѣтъ опредѣннаго первою спопою тона, но царствуетъ чудное

разнообразіе. Читая Данта, вы встрѣчаете по численные ямбы, по дактило-хореи, по хореи съ ямбами, и проч.—Вопрь вамъ чистые ямбы:

E'l Carro tutto sovra l'Coro giace.
Veggendo la cagion, che'l fiato piove.
La bocca sollevò dal fiero pasto. (2)
E caddi come corpo morto cade.

Слѣдующіе стихи звучатъ для насъ, жипелей сѣвера, совершеннымъ дактило-амфибрахіемъ:

Quando noi fummo dove la rugiada
Pugna col sole e per essere in parte
Ove adrezza poco si di rada. . . .

Но прежде нежели я буду говорить о стихѣ одиннадцатисложномъ, входящемъ въ октаву, считаю за нужное предпослать нѣсколько замѣчаній о различіи просодіи вообще въ языкахъ сѣверныхъ и южныхъ съ примѣненіемъ къ Русскому и Италіянскому, изъ коихъ каждый, какъ мнѣ думается, назначенъ быль предсказавшемъ своего полюса, но не съ тѣмъ, чтобы положить между ними вѣчный раздоръ, а напропавъ заключивъ миръ въ спрантѣ гармоніи.

Первое различіе между языками Сѣвера и

(2) Въ эпихѣ двухъ стихахъ *sol* и *la*—короткіе слоги; но и у насъ всегда ли ямбы чистые? Напропавъ—лучше-по смѣшаны.

Юга, различіе, бросающееся въ глаза всякому, знающему нѣсколько языковъ сѣверныхъ и южныхъ, есть то, что первые изобилуютъ согласными, а послѣдніе гласными. Къ первымъ я отношу языки Англійскій, Нѣмецкій, Русскій (не говорю о прочихъ); ко вторымъ Французскій, Испанскій, Португальскій, Италіанскій. (Послѣдній, впрочемъ, занимаетъ счастливую средину, какъ покажется ниже, но все скорѣе относится къ послѣднему ряду.)

Не всѣ изъ этихъ языковъ мнѣ извѣстны, и я не буду входить въ подробное разсмотрѣніе каждого, да оно и не идетъ къ моему дѣлу. Замѣчу только, что Французскій и Англійскій языки составляютъ противоположныя крайности. Французскій до излишества пропускаетъ согласныя: доказательствъ сему много. Онъ превращаетъ *p* и *m* въ носовые звуки; удвоенныя согласныя въ немъ вовсе не слышны, особенно въ сравненіи съ Италіанскимъ, на нихъ всегда напирающимъ, какъ напр. въ словахъ: *tu pourras, belle, appel*; сверхъ того Парижское произношеніе превращаетъ твердый, сильный звукъ *g*, который такъ чудно звучитъ въ языкѣ Русскомъ и Италіанскомъ, въ какой-то раздавленный, дребезжащій *g-g*; слова *étoient, assez, jamais*, всѣ окончательныя наклоненія глаголовъ на *er*

показываютъ также, что Французскій языкъ пропускаетъ въ чтеніи согласныя. Англійскій языкъ напропивъ до излишества пропускаетъ гласныя, а оспалныя вовсе не имѣютъ опредѣленнаго звука. Вотъ почему у Англичанъ одно *a* произносится по какъ *e*, по какъ нѣчто среднее между *a* и *e*, а опкрыпаго звука *a* нѣтъ. Англійскій языкъ совершенно чуждъ музыкальности: въ немъ не возможно наслаждаться звуками. Его слова — не слова, а символы словъ. Онъ не говоритъ, а намекаетъ на звуки. Его можно сравнить съ дурнымъ и скорымъ почеркомъ, въ которомъ слова не дописаны, и для прочтенія ихъ нужна догадка. Сія крайность въ обоихъ языкахъ вредна, потому что гласные звуки могутъ тогда только быть явственно слышны, когда они воплощены въ согласные, и обратно согласные явственны тогда только, когда опираются на гласные. Посему-то Французскій языкъ, опъ недоспапка согласныхъ, спановится слишкомъ жидокъ; Англійскій, опъ недоспапка гласныхъ, густъ, неопредѣленъ. Нѣмецкій, въ которомъ преизобилуютъ согласные, но гласные однако произносящаяся ленте, грубъ.

Россійскій языкъ также изобилуетъ согласными, но не пакъ, какъ соплеменникъ его, Польскій. У насъ нѣтъ ни *прше*, ни *прже*.

Еслибъ и случился такой звукъ, мы поспѣшавъ бы вставили гласную *е* для благозвучія. Особенно часто согласная *р* звучитъ въ нашихъ словахъ. Это любимая буква въ языкъ Русскомъ: странно, что ею начинается и имя Русское. Державинъ, какъ поэтъ, вслушивавшійся болѣе другихъ въ звуки языка опечесственнаго, замѣтилъ это и на зло языку написалъ нѣсколько піесъ, въ которыхъ ни разу не звучитъ буква *р*. Любопытные могутъ прочесть въ III части его сочиненій три піесы, а именно *Шуточное желаніе* (спр. 163), *Баболка* (164) и *Кузнецикъ* (165) (3). Въ этой любви къ звуку *р* (*г*) мы сходствуемъ съ древними и новѣйшими Римлянами. Буква *г* часто слышна въ звукахъ Латинскихъ. Имя Римское, какъ и Русское, начинается тѣмъ же звукомъ. Теперешніе Римляне весьма часто букву *l* замѣняютъ буквой *г*, на пр.

(3) Я зналъ только по слуху, что существуютъ стихи Державина, писанные безъ буквы *р*; но я не зналъ, какіе они, и опыскалъ сѣ при піесы. Не знаю, тѣ ли самыя имъ съ намѣреніемъ написаны безъ буквы *р*, но знаю только, что въ нихъ эта буква опускаться не можетъ. У насъ до сихъ поръ нѣтъ ни комментарій на великаго поэта, ни записокъ объ немъ. Современники наши забываютъ, что преданіе умираетъ съ людьми, и не поропылись записать то, что изъ устъ въ уста переходитъ.

они говорятъ: *molto* вм. *molto*, *vorta* вм. *volta*. Не смотря на то, наше ухо не любитъ встрѣчи двухъ *p*, и нѣтъ ни одного слова въ Русскомъ языкѣ, гдѣ бы *p* былъ двойной. Даже если они встрѣтятся близко другъ къ другу, по мы мѣняемъ одинъ на *l*: это видно въ словахъ *Февраль* и *пролубъ*, которыя, какъ еще покойный Сумароковъ замѣтилъ, должно бы писать: *Феврарь* и *прорубь*, ради ихъ происхожденія (4). Мы вообще не любимъ удвоенія согласныхъ. Изъ всѣхъ нашихъ согласныхъ звучащая грубѣе для уха Европейскаго есть *ш*, ибо она есть двойная. Но изобиліе согласныхъ растворяется у насъ болѣе яснымъ, чѣмъ въ другихъ языкахъ сѣверныхъ, произношеніемъ гласныхъ и самымъ свойствомъ сихъ послѣднихъ. Ни одинъ языкъ Европейскій не имѣетъ такихъ открытыхъ, всѣмъ голосомъ произносимыхъ гласныхъ, какъ нашъ. Выбираю букву *я* для примѣра, какъ самую нѣжную, и пошому болѣе способную дать почувствовать силу гласной, на которую опираемъ

(4) Овидій въ своихъ *Fasti* замѣчаетъ подобнымъ образомъ, что праздникъ *Lemuria* былъ такъ переименованъ изъ *Remuria*, ибо учрежденъ былъ въ честь Рема. Кн. V. стр. 481, 2.

*Aspera mutata est in lenem tempore longo
Littera, quae toto nomine prima fuit.*

ся. Ни въ одномъ изъ Европейскихъ языковъ нѣтъ ни *ла*, ни *ло*, ни *лу*. Въ одномъ только Италіянскомъ есть звукъ *la*, нѣсколько приближающійся къ нашему *ла*, и открывая гласная *о*, произносимая всѣмъ горломъ, которую надобно слышать въ устахъ Римлянъ, особливо въ словѣ *осші*. Сверхъ того у насъ всякая гласная имѣетъ свою двогласную опъ сочепанія съ *ъ* или *ь*, (какъ въ Славянскомъ языкѣ) (5). Не льзя не замѣтить здѣсь мимоходомъ, что нашъ языкъ представляетъ двѣ крайности въ звукахъ гласныхъ; у насъ есть *ла* и *ля*, но нѣтъ Европейскаго *la*, занимающаго средину между нашими двумя звуками. Не въ эпомъ ли заключается наша пайна, что произношеніе всѣхъ Европейскихъ языковъ намъ такъ легко дается! Средину легко уловить между двумя крайностями, но къ крайностямъ опъ средины перейти трудно: посему для иноспран-

(5) Я желалъ бы, чтобъ ктонибудь у насъ написалъ подробную и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетвори-тельную теорію буквъ, съ историческимъ изслѣдованіемъ оныхъ и съ примѣненіемъ къ Русской Грамматицѣ, ибо, какъ мнѣ кажется, сія теорія должна облегчить правила нашей Грамматики. У меня есть нѣкоторыя мысли объ эпомъ; но я предложу ихъ въ особомъ разсужденіи, ибо спрашусь слишкомъ продлить примѣчаніе и не выскажутъ всего.

цевъ произношеніе нашихъ *ла* и *ля* бываетъ неоторимо.

Вообще въ нашемъ языкѣ, преимущественно предъ прочими сѣверными, согласныя распворяются гласными, вообще ясно произносимыми — и посему нашъ языкъ приближается къ тому счастливому равновѣію гласныхъ съ согласными, которое есть первое условіе музыкальности всякаго языка и есть главное преимущество языка Испаніанскаго.

Второе и еще болѣе очевидное различіе между сѣверными и южными языками есть произношеніе гласныхъ. Здѣсь не распроспиряюсь ни о Французскомъ, ни объ Англійскомъ языкѣ. Не лзя однако не замѣпить мимоходомъ спранный прошивоположности, существующей въ произношеніи между сими двумя языками. Французскій языкъ, ударяя всегда на послѣднемъ слогѣ, поропитъ слово къ концу; Англійскій, ударяя по большей части на первомъ, съживаетъ слово къ началу. Сии два народа, вѣчно враждовавшіе другъ съ другомъ, и въ звукахъ языковъ своихъ прошиворѣчаютъ взаимно. Весьма смѣшно слышать вмѣстѣ Француза, говорящаго поанглійски, и Англичанина, говорящаго пофранцузски. Здѣсь преимущественно обращаю вниманіе на различіе языковъ Испаніанскаго и Русскаго въ произношеніи гласныхъ, замѣпивъ мимоходомъ и

о Нѣмецкомъ, какъ языкъ Сѣверномъ. Трудно писать о звукахъ: меня бы лучше поняли, еслибы я говорилъ вслухъ. Но за то прошу читателя удвоить вниманіе и постараюсь быть, какъ можно, яснѣе.

Въ нашемъ языкѣ удареніе на словахъ какъ будто собираетъ всѣ слоги въ звукъ ударяющій такъ, что прочіе теряютъ свою ясность. На пр. произнесите: *обстоятельство*, *безмятежные*: все слово оперлось на *я* въ первомъ случаѣ, во второмъ собралось въ слогъ *те*. Въ Италіянскомъ языкѣ напропивъ, не смотря на удареніе, не только всякой слогъ,—всякая буква произносится явственно: это первое правило Италіянскаго чтенія. Ни въ одномъ языкѣ произношеніе не находится въ такомъ согласіи съ правописаніемъ (6). Опъ

(6) Я увѣренъ, что первоначально всѣ буквы, которыя намъ кажутся теперь въ языкахъ излишними, были необходимы и означали разные отпѣнки звуковъ. Такъ въ Греческомъ буквы *η*, *ι*, и сложныя *οι*, *ει*, кои у новѣйшихъ Грековъ всѣ произносятся какъ *і* безъ всякаго различія, сначала вѣроятно имѣли отпѣнки (*η* опъ *ι* различаенся только долгошою—и это видно по образованію, ибо *η* какъ будто состоитъ изъ двухъ *ι*). Такъ и у насъ *ъ* и *є*, которыя теперь звучатъ совершенно одинакимъ образомъ, прежде вѣрно различались. Двогласная Славянская *іє*, какъ извѣстно, произошла опъ сочепанія *є* съ *і*, а

сего происходитъ, что слово Италіянское въ произношеніи какъ бы разнимается на состав-

лъ (см. Экзархъ Болгарской) отъ сочетанія *э* съ *ь*, что показывается и самый знакъ по весьма глубокому замѣчанію Г. Калайдовича. Въ самомъ дѣлѣ буква *ь* вѣрно произносилась гораздо мягче, нежели *ѣ* и служила къ изображенію одного изъ опптыковъ *ѣ*. Послушайте даже теперь, какъ произносятъ мужики: *тебѣ*, *себѣ*; у нихъ *бѣ* въ этомъ случаѣ сильно умягчается. Это видно еще болѣе изъ того, что иные выговариваютъ: *теѣ* и *сеѣ*. Теперь же, по вліянію иностранныхъ языковъ, мягкость нашихъ двогласныхъ вовсе теряется, — и мы совсѣмъ ужъ не понимаемъ, за чѣмъ еще различаются *ь* и *ѣ*, соспаваяющія такое затрудненіе въ правописаніи. Нынѣ, это древняя развалина — и разрушать ее до основанія не надобно. Кромѣ того, что она хранитъ святыню древнюю, она необходима и для того, что бы у насъ сколько нибудь сохранилось отъкрытое *е* и не перешло бы въ *ѣ*, чтобы мы не заговорили: *тебѣ*, *себѣ*, *отвѣтъ*, *все* (вм. *всѣ*), ибо ужъ у насъ рimes: *свѣтъ* и *идетъ*, *глядѣтъ*, *полетъ* не позволены, ибо мы всюду, гдѣ на *е* удареніе, выговариваемъ его какъ *ѣ*, и только *ь* сохраняемъ звукъ оригинальный, да и понѣ въ иныхъ словахъ начинаемъ измѣняться, какъ напр. въ словѣ: *приобрѣтъ*, которое произносится: *приобрѣлъ*. — Точно такъ и наше *я* отъ вліянія Французскаго *la* теряетъ свою мягкость. Такъ въ произношеніи всѣхъ буквъ вы найдете много перемѣнъ, и только простой народъ, вѣрный древнему обычаю, объяснитъ вамъ многія загадки нашей азбуки, теперь вовсе для насъ непонятныя.

ныя часпи (не такъ какъ Русское, которое съживается къ звуку ударяющему), а пошому слово Ипаліянское выходитъ плавное, пѣвучее. На пр. заставьте Ипаліянца произнести слово: *soavemente*, особенно въ стихѣ Данша:

Soavemente'l mio maestro pose.

Сожалѣю, чипапель, что не могу самъ произнести его для васъ ; но произносите сами плавно, раздвигая звуки, чуть чуть поболье пріударивъ на слогъ *теп*, воптъ такъ: *so-a-ve-men-te*. Теперь заспавьте Русскаго , не знающаго Европейскихъ языковъ, произнеспи поже слово или произнесите его сами обрусѣлыми звуками , воптъ такъ: *соавементе* , какъ пишется въ самоучишеляхъ. Слышите ли, какъ плавное Ипаліянское слово сжалось все около *теп*, какъ звукъ *so* не перемѣнился въ *са*, какъ неопредѣленно зазвучало *те* между *и* и *е*?— Воптъ почему Русскіе всегда произносятъ Ипаліянское *іо* какъ *іо́*, а не какъ *і-о*. Обратно, Ипаліянцы произносятъ наши слова такъ, что всякой звукъ слышенъ, на пр. въ словѣ: *обстоятельство*, у нихъ слышно явственно на концѣ *о*, которое у насъ превращается въ *а*; въ словѣ: *подданный*, у нихъ слышно на концѣ *ный*, которое у насъ также переходитъ въ неясный звукъ между *а* и *о*. Кспати объ *о*: вѣдь опсюда же происпекаетъ въ нашемъ произношеніи превращеніе *о* въ *а* въ пѣхъ

словахъ, гдѣ о не имѣетъ ударенія, ибо о по существу своему звукъ долгой и пребывающій ударенія или продолженія голоса. Вотъ почему у Нѣмцевъ на гласной *о* всегда удареніе. На семь-то превращеніи *о* въ *а*, равно какъ на неясномъ произношеніи гласныхъ *е* и *я*, когда на нихъ нѣтъ ударенія, основана у насъ возможность рѣмъ: *отрада*, *надо*; *утѣшеніе*, *илтъня*; *заттыя*, *святые* и проч., чего въ Испаліанскихъ стихахъ никакъ бы не позволили. Опъ сихъ рѣмъ опіказываюцца нѣкоторые изъ нашихъ поэтовъ, говоря о какихъ-то гласныхъ рѣмахъ; ведущихъ начало свое опъ немзыкальныхъ Французовъ, у коихъ рѣмовали нѣкогда *сгоître* и *рагоître*. Но если рѣмы существуютъ для глазъ, то Мильюны, Делили, Козловы и всѣ слѣпцы-Поэты не знаютъ рѣмъ. Рѣмы внушаютъ глазами все поже, чѣдъ вкушаютъ обѣдъ носомъ, видѣтъ музыку и слушаютъ картину. Но это опступленіе. Къ дѣлу.

Нѣмецкій языкъ еще гораздо болѣе Русскаго сжимаетъ слова къ слогамъ ударяющимъ. Это всего легче можно обѣяснить себѣ, когда слышишь Нѣмцевъ, говорящихъ поиспаліански. Нѣтъ въ ихъ разговоръ никакой плавности, опличающей Испаліанское нарѣчіе. Они говорятъ—шоропашся. Русскіе несравненно лучше произносятъ поиспаліански, попому

что Русскій переимчивъ, какъ скворецъ, по-
тому что у Русскаго послѣ Италіянца луч-
шее музыкальное ухо и наконецъ потому, что
Русскій языкъ, какъ покажу я ниже, въ сво-
ихъ стихіяхъ первобытныхъ, измѣненныхъ
вліяніемъ сосѣдей западныхъ и Нѣмецкою по-
ническою просодіею, заключаеиъ въ себѣ на-
чала, близкія къ стихіямъ языка Италіянска-
го. Въ Нѣмецкомъ языкѣ, правда, есть долгіе
звуки, но они происходятъ или опъ спеченіи
согласныхъ, что по неволѣ дѣлаеиъ звукъ дол-
гимъ, на пр. въ словѣ *pfropfte* (7), гдѣ *pfte*
есть по неволѣ звукъ долгой, или опъ двое-
гласныхъ, какъ на пр. въ словѣ *Эфирлаф*, гдѣ
чисный спондей.

И такъ произношеніе Италіянское, ясно об-
разующее всѣ гласныя и разнимающее слова
на его слоги, сообщаетъ языку ииу плавность,
иу пѣвучесть, которую Италіянцы называ-
юиъ канпиленою. Въ самомъ дѣлѣ, Италіян-
цы говорятъ на распѣвъ или речитативомъ—
и вопъ отколѣ истекаетъ ихъ речита-
тивъ въ Оперѣ, который у насъ почитаетъ
нееспешивеннымъ и падѣ которымъ мы смѣ-
еися. Его можно объяснииъ себѣ только на
мѣстѣ его рожденія. Вопъ тайна всей Оперы

(7) Русскій непременно вставилъ бы *e* и сказалъ бы:
*pfropfete**

Италіянской. Особенно же замѣняетъ сей речипащивъ въ разговорѣ простаго народа, который не подвергся вліянію языковъ сѣверныхъ и всегда ближе къ природѣ. Я слышалъ опъ очевидцовъ, что между Пармой и Генуей есть народъ, сохраняющій до сихъ поръ патриархальныя обычаи старины и до того говорящій на распѣвъ, что его разговоръ можно бы было положить на музыку. Во Фраскаши, мѣстечкѣ въ окрестностяхъ Римскихъ, встрѣчаеи поже явленіе. Да подслушайте любимое слово въ устахъ Италіянскихъ женщинъ: *sicūgo* (конечно)—и вы убѣдитесь въ сказанномъ.

Симъ объясняется, почему Италіянскій языкъ, преимущественно передъ прочими, друженъ съ Музыкой; и какъ въ простомъ его разговорѣ, въ эпическомъ живомъ речипащивѣ, уже естественнo содержиіся размѣръ, долженствующій опредѣлить формы его Поэзіи; что сей размѣръ долженъ чуждаться всякой искусственности и приближаться къ первоначальной музыкѣ, всякому свѣжему языку свойственной—ибо первая музыка въ природѣ есть голосъ человѣческой (8)—слѣд. къ размѣру количественному.

-
- (8) Возраженіемъ на старинное мнѣніе Баттистовъ, что музыка есть подражаніе пѣнію птицъ, можешъ послужить извѣстный опвѣтъ какого-то славнаго пѣвца, которому думали сдѣлать комплиментъ, на-

Для тѣхъ же языковъ, которые неясно выражаютъ гласныя и собираютъ всѣ слоги къ удареніямъ, словомъ, которые утратили свою естественную гармонию — (ибо первоначально она въ каждомъ языкѣ присуществуесть и врождена человеку) — для сихъ языковъ необходимо искусственный размѣръ, т. е. размѣръ поэтический по удареніямъ, размѣръ скандующій для того, чтобы однообразнымъ боемъ заставить почувствовать гласныя, которые въ обыкновенномъ произношеніи мало ощущительны.

Сей размѣръ искусственный вовсе неприличенъ бы былъ Испанской Поэзіи, въ которой и безъ того ясно слышны всѣ гласныя и которая, какъ словесная Музыка, двѣ встрѣченныя гласныя сливаетъ въ одинъ звукъ, отъ чего происходятъ сладкіе переливы, называемые элизіями, дающіе стиху текучесть и разнообразіе.

Вопь почему Испанскіе стихи пишутся для пѣнія; вопь почему пѣлись, какъ извѣстно изъ Исторіи, терцины Дантовы (9), назвавши его словомъ: «да вы меня обижаете, сударь, соловей поетъ фальшиво.» Разумѣется, органъ слуха, которому соответствуетъ органъ голоса, долженъ былъ совершенно развиваться въ твореніи совершеннѣйшемъ, каковъ человекъ.

(9) Извѣстный анекдотъ въ жизни Данта, какъ онъ побилъ одного мужика, который гналъ осла и, рас-

готел и теперь октавы Тасса и Аріоста. Наши же стверные стихи ницуются для чтеція—и поному намъ нуженъ искусственный, шоническій размѣръ, нужна декламація.

Вникая въ сей природный речитайивъ Италіинскій, я догадочно объясняю себѣ загадку языковъ древнихъ и въ особенности языка Греческаго. Я увѣренъ, что Греки еще болѣе говорили на расивъ, нежели говорятъ Италіянцы. Особенно увѣрлетъ меня въ этомъ изобиліе гласныхъ въ языкѣ Эллинскомъ. Еще важнымъ доказательствомъ служатъ ударенія: вы не найдете ни одного слова Эллинскаго, какъ бы оно многосложно ни было, въ которомъ бы удареніе звучало на четверномъ слогѣ съ конца: всегда на послѣднемъ, предпоследнемъ и шретьемъ. Это съ перваго разамъ бросилось въ глаза, какъ я началъ изучать языкъ древне-Греческой. Опять сего всякое многосложное слово выходитъ плавное, ибо удареніе дѣлится его пополамъ, и голосъ, восходя по первымъ слогамъ, со средины опускается тихо. Въ этомъ Эллинской языкѣ имѣешь большое сходство съ Италіинскимъ, гдѣ также рѣдко встрѣчаются слова, въ коемъ ударе-

пвая его шерцины, ко всякому стиху прибавлялъ: арри! арри! (соотвѣствующее нашему: ну! ну!) показываетъ, что стихи Данта пѣлись просивымъ народомъ.

ніе было бы на четвертомъ слогѣ съ конца. Всѣ народы, въ первоначальномъ быту живущіе, непременно говорящъ речипапивомъ. (Въ этомъ случаѣ Италіянцы составляютъ счастливое исключеніе, ибо они и въ образованномъ состояніи сохранили свѣжестъ звуковъ.) Опселя догадочно объясняется для меня тайна размѣра Гомерова. Я увѣренъ, что его современники еще болѣе говорили на распѣвъ, нежели Греки временъ Александровыхъ; что онъ, какъ гений, одаренный слухомъ необыкновеннымъ, и речипапивъ, на который пѣлъ свои пѣсни, подслушалъ у народа, также какъ подслушалъ Поэзію языка, народныя выраженія, что ясно видно даже въ разнообразіи нарѣчій, имъ употребленныхъ. Вотъ тайна всей Поэзіи Греческой, которая, какъ Италіянская, писана для пѣнія, ибо всегда соединялась съ Музыкой. Вотъ тайна Трагедіи Греческой—и въ семъ случаѣ Шлегель, утверждающій, что речипапивъ Оперы Италіанской и способъ произношенія въ Трагедіи древне-Греческой не имѣютъ никакого отношенія, мнѣ кажется неправымъ (40). Конечно перешедшій речипапивъ (10) Весьма вѣроятно, что Опера Италіянская произошла изъ древней Трагедіи. Въ ней видны остатки древняго хора, хотя назначеніе его и другое. Въ комедіи у Римлянъ всегда участвовала музыка. Въ кодексъ Теренція, принадлежащемъ IV вѣку, вездѣ

тапшвъ, сдѣлавшійся искусственнымъ, положенный на ноты, не можетъ быть похожъ на произношеніе стиховъ въ древней Трагедіи; но происхожденіе ихъ видимо одинаково—и есть природный речитапшвъ въ языкахъ обоихъ народовъ. Разумѣется, речитапшвъ Трагедіи Греческой уже сдѣлался несравненно болѣе искусственнымъ противъ Гомерова. Мошвъ Гомеровъ былъ, вѣроятно, самой простой, подслушанный, какъ я сказалъ, въ природномъ речитапшвъ разговора Іоническаго, ибо извѣстенъ былъ простому народу, какъ баркаролы Венеціанскія, на голоса конхъ распѣвающія октавы Тассовы, какъ голоса пѣсенъ Трубадуровъ Провансальскихъ, какъ у насъ голоса, на копорые нищіе поютъ своего Лазаря и раскольники свой стихъ (11).

опмѣчены мѣста, гдѣ играютъ инструментамъ. Стихъ Овидія: *Illic et cantant quod didicere theatris*—есть также доказательство въ пользу этого. Паспушескія стихотворенія съ музыкой въ среднихъ вѣкахъ могли быть продолженіемъ погоже. Сисмонди говоритъ, что Ринуччини, основатель Оперы, согласясь съ тремя музыкантами, написалъ драму съ музыкой, въ коей всѣ искусства должныспововали соединиться, и что Пери, одинъ изъ музыкантовъ, хотѣлъ въ сей оперѣ воскресить декламацію древней Трагедіи.

- (11) У раскольниковъ нашихъ въ Саратовской Губерніи старцы собираются на вечера и одинъ изъ

Но теперь настоящее время перейти къ нашему языку и изслѣдовать его свойства музыкальныя. Мы, по характеру, причислили его къ языкамъ сѣвернымъ; мы сказали, что онъ изобилуетъ согласными, но гораздо менѣе прочихъ, ибо расщепляетъ ихъ опікрытыми гласными и на всякую гласную имѣетъ двогласную; мы сказали, что онъ хотя не такъ точенъ въ произношеніи своихъ гласныхъ, какъ Италіанскій; хотя, по образцу сѣверныхъ языковъ, собираетъ всѣ слоги къ ударенію и скользитъ по нимъ, но однако гораздо точнѣе и умѣреннѣе въ эпюмъ всей прочей сѣверной брашн, вліянію которой, можетъ быть, болѣе и обязанъ эпимъ, нежели своимъ природнымъ свойствамъ; мы сказали, что въ немъ потерялся речитативъ природный, что ему спалъ необходимъ теперь размѣръ искусственный, т. е. шоническій, чтобы однообразнымъ боемъ дать почувствовать гармонію слова поэпическаго; мы сказали, что нашъ языкъ пишетъ теперь стихи для чтенія, какъ и всѣ прочіе, и что не такъ дѣлали языки первоначальныя; но, повторивъ все это въ головѣ своей, спросимъ себя: всегда ли былъ

нихъ, разумнѣйшій, *поетъ стихи*. Эпо гнѣе бываетъ и въ видѣ разговора. Есть одинъ изъ нашихъ разговоровъ, кося предметъ есшъ миспическое значеніе всѣхъ чиселъ.

нашъ языкъ пакимы? паковы ли его природныя, самобытныя свойства? Рѣшительно отвѣчаемъ: нѣтъ, не паковъ онъ былъ: его передѣлало вліяніе языковъ сѣверныхъ.

Возьмите его прародителя, языкъ Славяскій, коимъ глаголетъ молящаяся за насъ Богу церковь. Какъ въ немъ ясны всѣ звуки и гласные и согласные! Какъ замѣненъ нагѣвъ первоначальный! Онъ говоритъ: *свѣ-тъ-го*, а не *святѣа*; *тво-е-гѣ*, а не *тваевѣ* или *твавѣ*; *жѣ-сѣ-на-чѣль-ны-я*, а не *жизнанѣль-ныя*, гдѣ *я* на концѣ похоже на *е* и на *и*; *пѣ-слѣ-ны-я*, а не *пѣсланныя*: есть множественно и другихъ примѣровъ. Возьмите его брата, болѣе вѣрнаго своимъ первоначальнымъ обычаямъ, ибо имъ говоритъ народъ, менѣе подвергшійся вліянію западной образованности, возьмите языкъ Малороссійскій. Какъ ясно въ немъ слышна гласная *о*! Какъ точно выговаривающіяся всѣ согласныя, на пр. одного, а не одново! Какъ всякое слово дѣлится удареніемъ на равныя части! Наконецъ прислушайтесь къ разговору простолюдина или полубразованнаго человека изъ средняго сословія: его языкъ, конечно, оскорбитъ ваше ухо, испорченное искусствомъ и привычкою; но это *о*, на которое онъ ударяетъ, звучащее для васъ сколько грубо, показывающее, что языкъ нашъ, когда былъ ближе къ своему національному быту, яснѣе

произносилъ гласныя и пѣмъ исполнялъ первое условіе гармоніи во всякомъ языкѣ. человѣческомъ. Давно ли эпо огурубълое для Русскаго слуха о звучало такъ поэтически въ устахъ генія - актера, Яковлева, и шеперь еще въ преданіяхъ сохраняется на нашей сценѣ? (12) Я увѣренъ, что когда явится на ней національная Трагедія, когда услышимъ въ герояхъ Мельномены гласъ нашихъ предковъ, то гласная о зазвучитъ еще всею силою на зло своенравной модѣ. Давно ли у насъ еще существовало открытое е и Поэзія позволяла рѣмы: *нѣтъ* — *идетъ*, *грядетъ*; *смѣлый* — *веселый*, *сѣлы*, *пчелы*? (13) Теперь же всюду, гдѣ на е удареніе, оно превращается въ доегласную іо (ё) — и уже нѣтъ чисто открытаго е, ибо нѣтъ его съ удареніемъ. Оно сохраняется опчаспи въ *ль*, но и по пошому, что *ль* пошеряло свой звукъ характеристическій. (14) Наконецъ и шеперь вы найдете у насъ нѣкопорья слова, сохранившія свою первоначальную гармонію, на пр. *благословіе*: сіе слово не лзя произнести, не разнимая звуковъ. Въ немъ слышны

(12) Наслѣдникъ славы Яковлева, Карашыгинъ, иногда весьма счастливо придаетъ силу стиху такимъ выговоромъ.

(13) Тоже самое должно замѣнить и о рѣмахъ: *крики—великій, дикій—толикій*, и проч.

(14) См. прим. 6. на стр. 276.

еще звуки Славянскіе: по шеперешнему выговору, его произнесли бы такъ: *благговѣнѣ* (15). Всѣ сіи замѣчанія показываютъ, что нашъ языкъ прежде гораздо точнѣе произносилъ гласныя, слѣдовательно въ этомъ отношеніи болѣе приближался къ Италіянскому. Не смотря на сіи перемѣны, испитанныя нашимъ языкомъ, онъ все еще кажется пѣвучимъ для уха Французскаго.

Въ томъ же простомъ народѣ, гдѣ находимъ мы слѣды древняго произношенія, можемъ мы подслушать и речипапивъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе яснаго произношенія гласныхъ, ибо (повсюду для большаго уразумѣнія) какъ въ пѣсни всякой нотѣ соотвѣтствуетъ слогъ, такъ и въ ясномъ произношеніи всякому слогу, число схваченному языкомъ, должна соотвѣтствовать нота, поелику голосъ человѣческій есть первая музыка. Вслушайтесь въ разговоръ нашего простаго народа, особенно когда одушевленъ онъ чувствомъ. Вслушайтесь въ голосъ спарухъ, ког-

(15) Самое сокращеніе всѣхъ оглагольныхъ именъ существительныхъ кончащихся на *nis* — въ *нѣ* слышнѣ тому же доказательствомъ. Замѣчательно, что таковое сокращеніе въ прозѣ никогда не бываетъ, а вынуждается стихами, тогда какъ оно вредитъ гармоніи, ибо слово, шеря гласную, шерленъ плавностъ.

да онѣ говорятъ жалобно; вслушайтесь въ разсказъ сказочниковъ: вы подмѣните речипаивъ, который можно положить на музыку и который ожидаетъ у насъ генія—музыканта (16). Чтобы объяснить дѣло примѣромъ, болѣе для всѣхъ доступнымъ, обращу вниманіе чипапелей на сцену Мамки и Ксеніи въ Борисѣ Годуновѣ. Поэтъ, вникшій слухомъ въ звуки народные, понялъ музыку Русскаго языка: весь разговоръ Мамки и Ксеніи есть речипаивъ. Это разыграть иначе не лзя, какъ произнося на распѣвъ, т. е. какъ чипаетъ самъ Поэтъ. Да нѣтъ ничего естественнѣе речипаива въ голосѣ человѣческомъ. Если вы хотите сказать что нибудь ясно, вы скажете какъ будто по складамъ, т. е. на распѣвъ. Вслушайтесь, какъ кричатъ продавцы на улицахъ. Можете быть, инаго сообразить то, что я привожу доказательства изъ міра самаго грубаго, изъ явлей самыхъ обыкновенныхъ: ему бы лучше ципаивы изъ книгъ. Но да вспомните онъ, что я говорю о живомъ предметѣ, объ языкѣ, а книги мертвы; къ тому же доказательства,

-
- (16) Сей речипаивъ, столь замѣтный въ рѣчахъ нашего простаго народа, намъ служилъ залогомъ того, что у насъ возможна своя, чисто національная Опера. — Голосовой плачъ на гробахъ сюда же относится. Онъ былъ и у Грековъ.

взятыя около, доступныя всякому. И такъ у насъ есть еще речиповѣвъ : вопъ новое право на музыкальное родство съ языкомъ Италіянскимъ. Оно еще пѣтъ болѣе утверждается , что , по мнѣнію многихъ музыкантовъ , послѣ Италіянскаго и Испанскаго языковъ , лучший для пѣнія есть Русской , не смотря на то , что онъ измѣненъ вліяніемъ западнымъ. Я увѣренъ , что Малороссійскій для музыки еще опособище.

Теперь мы пишемъ списки для чтенія , но прежде такъ ли писали? — Нѣтъ , писали для пѣнія , и безъ Музыки не лзя объяснить мѣры во многихъ нашихъ пѣсняхъ. Въ этомъ-то заключаеися тайна различія слоговъ долгихъ отъ высокихъ , короткихъ отъ низкихъ , которые у насъ такъ часто смѣшиваются. Почтенный Издатель Учебной Книги Русской Словесности говоритъ , что слоги долгіе и короткіе различаются по протяженію , а высокіе и низкіе по ударенію: на первыхъ основано количественное стихосложеніе , на вторыхъ тоническое. Издатель Практической Русской Грамматики говоритъ , что въ Русскомъ языкѣ есть слоги долгіе или высокіе , короткіе или низкіе , какъ будио бы они были одно и тоже. Не подумаемъ , что сіи слова принадлежатъ одному и тому же Автору. Въ старинныхъ нашихъ пѣсняхъ и въ древне-Элли-

ской Поэзіи или вообще въ той Поэзіи, которая сопровождалась музыкою, мы можемъ понять—что такое долгіе и короткіе слоги. Долгота и краткость слога нимало не зависятъ отъ ударенія: высокой слогъ есть именно тотъ, на коемъ есть удареніе, а долгой можетъ состоять рядомъ съ ударяющимъ или высокимъ слогомъ. На пр. произнесите слово: *мѣсто*, какъ Малороссіянинъ, или какъ мужикъ, сохранивши о: вы услышите на *мѣ* удареніе, а на *сто* продолженіе слога. Вотъ чистый спондей. Въ шеперешнихъ стихахъ мы рѣдко можемъ найти сему примѣры, но въ старинныхъ пѣсняхъ встрѣчаемъ кучи. Возьмемъ столь извѣстную:

Ахъ! палъ шуманъ на синє море,
 Вселилася кручина въ ретиво сердце;
 Не сжаживашъ шуману со синя моря;
 Злюдыкъ кручинъ съ ретива сердца.
 Что далече, далече во чистомъ полѣ. . .

Спойте по извѣстному голосу эту пѣсню и прислушайтесь къ словамъ: *синє море*. Какіе слоги вы долѣ слышите? *не* и *ре*: они суть долгіе, а произнесите безъ пѣнія, гдѣ вы ударите? на *си* и на *мо*. И такъ видите ли, что долгой слогъ рядомъ съ высокимъ? Тоже самое въ *ретиво сердце*: *во* и *це* по голосу пѣсни долгіе, а ударенія на *ти* и на *серд*; также и *во чистомъ полѣ*—удареніе на

ти и на *по*, продолженіе на *стоми* и *ль*. Еще примѣръ :

Житіе въ школь не по насъ ,
Въ одинъ день съкушъ пять разъ . . .

Удареніе на *ты* и на *динъ* , а продолженіе по пребыванію хорей на *жи* и на *о*. Но примѣровъ тысячи въ народной Поэзіи.

Опъ сего-то, замѣчу мимоходомъ, происходитъ у насъ весьма счастливое для Поэзіи свойство, что многія слова имѣютъ двоякія ударенія, какъ на пр. *дѣвѣща* и *дѣвѣща*, *высоко* и *высоко*, *далѣко* и *далекѣ*, *зелѣный* и *зеленѣй*, *украшеннѣй* и *украшеннѣй*, *чѣстой* и *чѣстой*, *ясны* и *яснѣй*, *мѣлой* и *мѣлой*. Это развалины опъ древняго пѣсеннаго или музыкальнаго языка, копорыми напрасно не пользуются наши Поэты (17). Посмотрѣли бы они въ эпосъ случаѣ на смѣлоспъ Поэтовъ Италіянскихъ. Ни одинъ языкъ Европейскій—(развѣ только Испанскій)—не имѣетъ такой неограниченной вольности. Говорится: *repetra*, *imile*, а для рѣзмы они упопрѣбляютъ: *repetra*, *imile*. Говорится: *fù*, *sù*, а они для рѣзмы прибавляютъ *e*: *fùe sùe*. Взгляните особенно на смѣлоспъ Данша, пворда Поэзіи Италіянской. Онъ всякимъ звукомъ въ народѣ пользуется, не только словомъ; онъ все под-

(17) Издапель Малороссійскихъ пѣсень, *Г. Максимовицъ*, до меня еще очень дѣльно говорилъ объ эпосѣ.

слушалъ—и все у него пошло въ дѣло. Въдъ всегда пакъ бывася: народъ создаетъ языкъ, а Поэтъ вдыхаетъ въ него мысль, душу живу. Ленине смѣлѣе за орломъ Италин. Позволяйне себѣ все, но помня одно святое правило: не оскорбляйне уха народнаго, а говорите народу его же звуками. Я же предлагаю смѣлоси, основанную на документахъ поэтическихъ. Опъ опсипуленія оияшъ къ дѣлу.

У насъ еси слогъ по существу своему долгіе, какъ на пр. *ло*, *лы*, *мо*, *ля*, ибо ихъ не лзя явопвенно произнести безъ пропашженія голоса. Первый мы превращаемъ въ неясное *ла*, впорой въ нѣчто среднее между *ло* и *ла*; на послѣднихъ почти всегда удареніе, ибо сии слогъ, по существу своему, его пребуютъ.

Изъ всего оказаннаго слѣдуетъ, что долгіе и короткіе слогъ существуютъ въ Поэзіи, писанной для музыки, или какъ говорятъ, въ стихосложеніи количественномъ, а высокіе и низкіе въ Поэзіи, писанной для чпенія, какъ наша теперешняя, т. е. въ стихосложеніи тпническомъ. Мнѣ кажется, что надо бы положить навсегда это различіе даже и въ знакахъ, и долгіе и короткіе означать черезъ *—* и *о*, а высокіе и низкіе *'* и *’*. Наша старинная и нынѣшняя народная Поэзія основана на долгихъ и короткихъ, ибо ея назначеніе бытъ пѣпой; а образованная, печатная, на

высокихъ и низкихъ , ибо назначается для чпенія. Для Оперы у насъ можно бы еще основать опихосложеніе на долгихъ и коропкихъ—и даже должно бы. Опъ сего много бы выиграла и музыка и гармонія языка поэпического. Изъ всего эпшаго выходитъ еще новое право на родство нашего языка съ Ипаліянскимъ.

Ударенія у насъ , какъ въ Ипаліянскомъ языкъ , дѣлять по большей часпи слова пополамъ , хопя еспъ много примѣровъ , гдѣ удареніе споишь на четтвершомъ съ конца или на самомъ концѣ. Однако и въ эпшомъ опношеніи нашъ языкъ беретъ большое пресимущество надъ прочими сѣверными , ужъ не говоря о Французскомъ и Англійскомъ. Не лъзя не замѣпить , что у насъ многія слова измѣнили ударенія , перенесши ихъ или къ началу или къ концу , что вредить плавности языка. Вотъ нѣкоторыя примѣры : милоспѣнія—нынѣ мѣлоспѣнія; благовѣспѣтъ—н. блáговѣспѣтъ (для гармоніи въ эпшомъ случаѣ лучше удареніе на концѣ , ибо звукъ *бла* самъ по себѣ долгой); невозбранѣнь—н. невозбранѣнь ; прѣдепъ — прѣдепъ (особливо съ оприцаніемъ *не* прѣдепъ гораздо звучнѣе); я-вѣпся—я-вѣпся; жѣспокъ—жѣспокъ; кóснется—коснѣтся; послáнный—пóсланный; познáнный—пóзнанный; вселѣны—вселерѣы (шакъ и многія

Телеск. Ч. III.

20

устьченныя спирадап. причаспія) и проч. Кромѣ сихъ словъ , вспомнимъ , что всѣ неокончательныя наклоненія глаголовъ кончались на *ти* , а не на *тъ* (любипи , желапи , колопи и проч.), всѣ впорыя лица настоящаго времени—на *ши* , а не на *шь*. Сколькихъ женскихъ риѣмъ мы чрезъ эпо лишились! Какого сокровища для плавности сстиха! Сіи окончанія глаголовъ на *ти* позволены только въ просопоэародныхъ пѣсняхъ. Наконецъ теперь всѣ глаголы въ прошедшемъ однообразно кончашся на *лъ* , а въ Славянекомъ всякой имѣлъ свое окончаніе особенное въ прошедшемъ неопредѣленномъ: *указа* , *иде* , *изда* , *услыша* , *возоки* : какое разнообразіе для риѣмъ поперяно! Опять повноримъ : не такъ было прежде! Но и оспавшееся теперь преимуществуетъ надъ сѣвернымъ и роднишъ языкъ нашъ съ гармоническимъ нарѣчіемъ юга. Въ эпномъ счастливомъ размѣщеніи удареній, разбивающихъ слова пополамъ, заключаеися одна изъ тайнъ нго , почему языкъ нашъ послѣ Италіянскаго и Испанскаго всѣхъ дружиѣ съ музыкою, объ чемъ мы уноминали выше.

Что же причинило такую перемѣну въ языкѣ языка нашего?—Вліяніе сосѣдственныхъ языковъ сѣвера и введеніе поническаго Нѣмецкаго мепра въ нашу поэзію. Вникнемъ въ воспитаніе наше. Не говорю уже о высшемъ

классъ нашего дворянства , которое природный свой языкъ рѣшительно промѣняло на Французской. Нѣтъ, возьмите весь кругъ образованныхъ людей. Не слышимъ ли мы безпрестанно вокругъ себя иноземныхъ звуковъ? Большая часть нашего членія не совершается ли на языкахъ сѣверной Европы?—По неволѣ привыкнешь иногда и мыслить на чужомъ языкѣ. Какъ же и хотѣшь, чтобъ все это не имѣло вліянія и на природные звуки языка нашего , которые въ самомъ дѣлѣ уже потеряли много характерическихъ чертъ?— Отъ сего-то мы утратили наши открытыя гласныя, какъ *ло* безъ ударенія, е въ словахъ: *идётъ, грядётъ, полётъ*, и мягкость *двогласныхъ* *лѣ, бѣ*, какъ я говорилъ выше. Отъ сего-то мы привыкли порокиваться въ разговорѣ и собирать всѣ звуки къ словамъ ударяющимъ. Отъ сего-то мы поссорили свой выговоръ съ правописаніемъ, который при началѣ письменности языка всегда бывающіе согласны, а въ художественномъ Италіанскомъ языкѣ и теперь еще хранятъ это согласіе. Къ тому же наше пошическое спитосложеніе своею излишнею спитоспичію, которую несѣдователи ему придали, а не великій его Вводитель (18), еще болѣе утверж-

(18) Въ подтвержденіе сего я укажу только на метрику изъ анапестовъ и ямбовъ, сложенные

даесть насъ въ недоспапкахъ произношенія (ибо всякая крайность есть недоспапокъ), заставляя насъ сильно напирать на нѣкоторыя ударенія и глотать оспальные слоги. Опъ сего-то происходитъ симметпричность цезуры, однообразное пѣніе въ стихахъ нашихъ и неявспвенное чпеніе оныхъ.

Какія же средства опспранишься опъ западно-сѣвернаго вліянія и сохранишь языку его музыкальнѣй характеръ?—Большее хранишь уваженіе къ праопцу нарѣчія нашего, къ языку Славянскому и его болѣе слушаешься; въ пѣснѣйшую войни дружбу съ старшими братьями нашему языку, на югъ звучащими, какъ то: Сербскимъ, Чешскимъ, Малороссійскимъ; вѣрнѣ бытъ собственному языку; перевести скорѣе всѣ книги, нужныя для общаго образованія, со всѣхъ иностранныхъ языковъ и вмѣнишь себѣ въ правило: чищать и мыслишь какъ можно болѣе по Русски; обращать вниманіе (особенно въ школахъ и на сценѣ) на ясность, плавность и силу выговора; прислушиваться къ звукамъ проспонародія и не пренебрегать ими; опказаться опъ всякой односпоронности, опъ всякаго духа приспраспія, сообщеннаго намъ излишнимъ вліяніемъ Галловъ ко вреду нашего собственнаго.

Ломоносовымъ и напечатанные въ его Письмѣ о правилахъ Россійскаго Стихотворства.

папріюпізма, и водворить духъ терпимости, духъ сознанія, духъ человѣчески-Русской; наконецъ дружитья въ гармоніи съ пѣтми изъ иностранныхъ языковъ, которые чище сохраняютъ первоначальную свѣжесть, ясность, плавность первоначальную музыку звуковъ, пакъ на пр. съ языкомъ Италіанскимъ: ибо—какъ весьма справедливо замѣчаетъ издатель учебной книги Россійской Словесности—»тоническое стихосложеніе совершеннѣе, чѣмъ ближе оно подражаетъ количественному,« или скажемъ, музыкальному, каково и есть стихосложеніе Италіанское. Но во главу всего поспавимъ правило нашего перваго великаго мастера, избранное мною эпиграфомъ къ сему разсужденію: *»Россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма несвойственно, изъ другихъ языковъ не вносить.»*

Вошъ на чемъ основалъ я возможность передать октаву Италіанскую по Русски и пользу, какая опсела для слова опечесивеннаго произойти можетъ.

(окончаніе слѣдуетъ).

II.

ПОСЛАНИЕ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

(къ А. Т. А.).

Весна, весна! ты прелестъ года,
 Но не въ сполитичной пѣсношѣ.
 Весна на Дѣмѣ а), гдѣ природа
 Въ первообразной чистотѣ
 Гордишся дѣвственней красотою!
 Гдѣ шемные шумящѣ лѣса,
 Гдѣ воды кажутъ небеса,
 Гдѣ блещетъ черной полосой
 Подъ плугомъ тучная земля
 Цвѣтутъ роскошныя поля!

О подмосковной я природѣ
 Въ досадѣ слушаешь немому! . .
 Засохлой роцей въ огородѣ,
 Гусиной правкой на лугу,
 Загнившей лужи испареньемъ
 Доволенъ бѣдный здѣсь народъ!
 И—зажимая носъ и ротъ—
 Оцѣ хвалишь воздухъ съ восхищеньемъ
 Нѣтъ, нѣтъ! . . Не шамъ моя весна,
 Гдѣ топъ, песокъ, или сосна!

Въ нашъ дикой край лечу душою:
 Въ просторъ степей, во мракъ лѣсовъ,

а) Дѣма, рѣка въ Оренбургской губерніи, около которой мѣстна живописныя и самыя привольныя для жилья.
Прим. Сов.

Гдѣ , опоясаны дугою
 Башкирскихъ шумныхъ кочевьевъ ,
 Съ ихъ безконечными спадами —
 Озера свѣшлыя спояшъ а) ;
 Гдѣ въ ихъ кристаллѣ съ холмовъ глядяшъ
 Собравшись кони табунами ;
 Или гдѣ капишся Уралъ
 Подъ тѣнію Рифейскихъ скалъ !

Обильный край, благословенный !
 Хранилище земныхъ богатствъ !
 Не вѣчно будешь ты , забвенный ,
 Служить для пасырей и паспвъ !
 И люди набьгупъ толпами ,
 Твое приволье полюбя . . .
 И не узнаешь ты себя
 Подъ ихъ нечистыми руками ! . .
 Сомнушъ луга, порубяшъ лѣсъ ,
 Взмущашъ и воды—ликъ небесъ !

И горы соляныхъ кристалловъ
 По тузлукамъ твоимъ найдутъ б) ;
 И руды дорогихъ металловъ
 Изъ нѣдръ глубокихъ извлекутъ ;
 И пукъ земли неиспощенной
 Всосутъ чужія сѣмена ;
 Чужія снимутъ племена
 Ихъ плодъ , спорицей возвращенный ;

а) Кандра и Каратабынъ — прелестныя , большія и
 необыкновенно прозрачныя озера. *Прим. Сов.*

б) Тузлукъ—соленый ключъ. *Прим. Сов.*

И въ глубь лѣсовъ , и въ даль степей
Разгоняйтъ дорогихъ звѣрей !

Лечу въ мой домъ , соломой крытый,
Проспой, какъ я въ желаньяхъ проспѣ ;
Куда, породой знаменитый ,
Скучающъ не придетъ скучной гость.
Гдѣ, съ беззаботною душою,
Свободный свѣпа опъ оковъ

.
Живалъ я съ милою семьёю ;
Гдѣ я безопасно, каждый день ,
Блажилъ мою ботинку—лѣнь !

Ахъ ! еслибъ *долга* исполненьемъ
Судьба мнѣ не сковала рукъ —
Неспалъ бы вѣчнымъ принужденьемъ
Мрачить и шрудъ мой и досугъ.
Мнѣ дико всякое исканье,
Не зналъ я за себя просить,
Противу сердца говоришь ,
Томишь души моей желанье. . . .
Противны мнѣ берега Невы,
Да и развалины Москвы !

Къ тебѣ , о другъ и братъ мой милый ,
Товарищъ въ склонностяхъ моихъ ,
Которому, какъ мнѣ , постылы
Столицы съ блескомъ , съ шумомъ ихъ ;
Къ тебѣ лечу воображеньемъ :
Съ побой сажу , съ побой иду —

Спрѣляю, ужу на пруду,
 Но не дѣлюсь моимъ волненьемъ
 Ни съ кѣмъ! . . . и спору о снихахъ,
 Да о горячкѣ въ головахъ.

С. А-въ. (*Аксаковъ*)

Май, 1830
 МОСКВА.

III.

КТО ЖЕ ОНЪ?

ПОВѢСТЬ.

(*продолженіе*)

V.

За исключеніемъ роли *Фамусова*, наша Комедія шла такъ хорошо, что не для чего было откладывать представленіе. Изъ множества званыхъ Пешромъ Андреичемъ на сіе послѣднее, малое число избранныхъ удостоилось чести быть приглашеннымъ на главную репетицію, назначенную на канунъ. Пепръ Андреичъ суенился за всѣхъ, и какъ хозяинъ, и какъ актеръ. То разспавлялъ онъ кресла, спуля, по чинамъ будущихъ гостей — и ходя пвердилъ роль свою; то приказывалъ слугамъ, гдѣ вѣшать лампы, — и училъ ихъ передвигать декорации, поднимать и опускать занавѣсь; то

вдругъ, оспановаясь посреди комнашы , снова , въ сопый разъ , повпорялъ извѣспный монологъ Фамусова:

Пешрушка , вѣчно ты съ обновкой,

Съ разодраннымъ локтемъ.....

— Ахъ, кспапи, продолжалъ онъ, обраща-
ясь къ лакеямъ: чпобъ завпра на васъ были
новыл ливреи съ гербовыми ворошниками. —
О, если бы мнѣ удалось сыграть роль свою,
съ полкомъ , съ чувспвомъ, съ разспановкой!
Но нѣтъ : не держишся въ памяпи.

Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье!

И подлинно сколько ни учу, ничего не вы-
твержу. Чорпъ возми Фамусова, а вмѣспѣ охо-
пу, на спароспи лѣпъ, пѣшипи собою публику!

Тупъ съ досады бросалъ онъ шепрадь
свою объ полъ, мѣрялъ шагами залу и съ шу-
момъ гонялъ олтъ себя всѣхъ, кщо ни попадад-
ся ему на глаза.

Въ такихъ - по увражненіяхъ Пешръ Андре-
ичъ провелъ упрю передъ главной репетиціей.

Посмотримъ, чѣмъ занималась между шѣмъ
Глафира въ своей комнашѣ. Роль свою она
знала швердо; но шѣмъ не менѣе , выходя въ
первой разъ передъ многочисленной публикой,
она робѣла при одной мысли, чпо оробѣепъ.
Напрасно увѣряла себя , чпо снисходитель-
ные зрители посшарающси не замѣшипи ед
ошибокъ , и самые недосшашки будущъ пре-

возносишь съ похвалою. Но эта припворная снисходительность, эти даровыя рукоплесканія, плаща за угощеніе, еще болѣе смущають ее: такъ она думала. Иной, подъ личиною снисходительности и даже, если хошится, энпузіазма, скрываетъ въ такихъ случаяхъ ѣдкую насмѣшку; и тогда, какъ губы его произносятся лѣсъ, на умѣ шевелился эпиграмма. Кому случалось быть въ положеніи Глафиры, тотъ помнитъ, что самоучкъ актеру самая похвала можетъ казаться обидою.

И добро бы Глафира вспунала на сіе новое поприще по собственному желанію. Что же, если она это дѣлала лишь въ угодность опцу, изъ послушанія; если, въ то время, какъ должна была казаться веселою, или по крайней мѣрѣ равнодушною, червь горести почилъ грудь ея? А припворство было не извѣстнымъ для нея искусствомъ. Какъ дорого заплатила бы она, чтобы, вмѣсто безжизненной Московской дѣвушки, какова Софья, предспавлять на эподъ разъ Офелію! Тогда бы она умѣла придать силу и истину каждому слову, каждому звуку, выходящему изъ устъ ея: тогда бы на просторѣ разыгралось ея бѣдное сердце: она дала бы волю своему угнетенному чувству! А теперь, кто раздѣляетъ съ нею это чувство, кто пойметъ ее?

Долго предавалась Глафира симъ мыслямъ. Вдругъ страшное воспоминаніе мелкнуло въ ея памяти. Между тѣмъ, какъ она готовилась на праздникъ, на веселье, милый другъ ея, пому ровно годъ, выпускалъ духъ свой, помышляя о ней! Такъ, ровно годъ, какъ онъ умеръ, и съ нимъ — умерли всѣ ея надежды!

— Прочь — воскликнула она съ воплемъ опчальнія — прочь это бѣлое платье, эти розы, эти брилліанты: не хочу я ихъ. Охъ, я бѣдная!

При сихъ словахъ она бросилась на постель, закрыла лице руками, и горько, горько заплакала. Къ ея счастью, никого не было въ комнатѣ, и она могла дать волю слезамъ своимъ. Нарыдавшись вдоволь, она вспала, уперла плашкомъ глаза и подошла къ туалету. Въ пошаренномъ ящичкѣ скрытъ былъ портретъ ея возлюбленнаго, снятый съ него передъ кончиной. Оглядываясь, вынула она изъ ящичка сей драгоценный образъ, съ благоговѣніемъ приложилась къ нему усами, и долго не могла оторвать ихъ отъ онаго; потомъ посмотрѣла съ умиленіемъ на незабвеннаго, перекрестилась, еще разъ поцѣловала его, и ея рука, казалось, не хотѣла разлучиться съ священнымъ изображеніемъ. Наконецъ, по внутреннемъ бореніи, она тихо опустила портретъ

решѣ въ вѣрный ящикъ, примолвивъ прерывающимъ голосомъ:

—»Теперь я покойна, бѣдная, осиротѣлая вдовица! О супругъ моего сердца! ты лишь тамъ узналъ, какъ горячо люблю тебя.... Но нѣтъ нужды: клянусь быть твоею и на землѣ и въ небѣ, твоею на вѣки.»

Тутъ она взяла черную ленту, лежавшую на ея стулѣ, и вплела ее въ свою косу.— Пусть эта лента, сказала она, будетъ свидѣтельствомъ моей горести;—я одѣнусь просто;—шакъ и быть, надѣну бѣлое платье; горестъ въ сердцѣ; да и прилично ли ее обнаруживать? однако, къ головному убору не мѣшаешь и отдѣлку того же цвѣта. Фи, черное! вся въ черномъ! скажутъ наши. Но чѣмъ же другимъ почту я память супруга?

Произнеся сіе слово, она зашепеляла.— Супруга? повторила она; и шакъ, вся жизнь моя осуждена на одиночество?—*Тамъ* соединишься съ нимъ, говоришь мнѣ сердце; но когда?—Ну, если я проживу долѣе бабушки?

При этой мысли невольная улыбка появилась на устахъ прелестной дѣвушки; и сіе сочепаніе глубокой грусти съ мимолетной веселостію придадо лицу ея еще болѣе прелести.

—Что поминаешь ты свою бабушку? сирота у Глафиры ея мать, вошедшая тихо въ комнату.

Глафира вздрогнула. Она сидѣла въ то время предъ пуалепомъ, и голова ея мапери мелькнула въ зеркаль. Ей мнилось, что эпостѣнь ся прародительницы. Однако она скоро опомнилась, и отвѣчала:

—Ничего, маминька; я говорила пеперь: что если проживу такъ долго, какъ бабушка? Я не желала бы эпаго.

—Богъ съ побой! опъ чего такъ?

—Что за удовольствіе быть и себѣ и другимъ въ пягость?

—Кшо же тебѣ сказалъ эпю, душа мол? Есть-ли что почтенье преклоннаго человека, и приниье поѣ минушы, когда бываешь окруженъ дѣшми и внучапами, въ конторыхъ видишь свою надежду, и конторые напоминають тебѣ о собшвенной пвоей молодости?

—Но для эпаго надо имѣть дѣшей и внучанъ, сказала проешодушно Глафира.

—Разумѣется: человекъ созданъ Богомъ, чпюбъ имѣть ихъ.

Глафира пошупила глаза и не отвѣчала. Простыя слова мапери уязвили ее въ самое сердце.

—Я поклялась принадлежать *ему* одному и въ дѣшней жизни, и въ будущей, подумала она; мнѣ не имѣть ни дѣшей, ни внучанъ! Тушь она глубоко вздохнула.

—Что съ пюбою, сердечной мой другъ? спросила Линдина вѣжнымъ голосомъ мамшери. — Богъ послалъ мнѣ добрую дочь; не думаешь ли, что пора бы имѣть мнѣ и добрыхъ внучащъ?

—Нѣтъ, маминька.

—Полно скрывать, плушочка; не ужели я, швоя родишельница, не пріобрѣла еще швоей довѣренности? Опкрой мнѣ душу, назови мнѣ своего любезнаго.

Вмѣсто отвѣта, дочь упала въ объятія матери.

—Ты плачешь, душа моя? переспанъ, пы смочила мнѣ всю косынку. — Но что это? вскрикнула она, къ чему на тебѣ черныя ленты? Ты огорчишь этимъ отца; развѣ не знаешь, какъ часто онъ придирается къ мѣлочамъ? Нѣтъ, сними, сними.

—Не могу, милая маминька! отвѣчала глухимъ голосомъ Глафира, удушаемая рыданиями.

—Какъ не можешь? что это значишь? спросила съ сердцемъ Марья Васильевна.

—Маминька! — Тупѣ Глафира прижалась къ груди мамшери сильнѣе прежняго, и слова замерли на устахъ ея.

—Вижу, это причуда и исперика. Выпей

воды, и чпобы о лентяхъ не было помину!

Глафира повиновалась, выпила воды: ея рыданія уменьшились, и наконецъ она сказала съ твердоспїю:

—Маминька, милая маминька! пеперь не время обнаружитъ вамъ мою пайну; но клянусь, вы все узнаете. Только, Бога ради, ни слова батюшкѣ!

Въ эту минути вошелъ лакей съ докладомъ, что гости прїѣхали къ обѣду; Линдина поспѣшила къ нимъ; спустя нѣсколько времени, пришла и Глафира.

VI.

На ея лицѣ оставались еще признаки недавняго волненія. Но я одинъ могъ разгадать причину онаго. Проходя мимо меня, она сказала тихо: нынѣ день скорби для насъ обоихъ.

Впрочемъ она скрыла свою грусть, какъ могла, опѣ глазъ непрозорливыхъ пепушекъ и дядюшекъ, копорые были заняты вчерашними новостями и сегодняшней репетиціей.

—Что тебѣ за охота, Пепръ Андреичъ, сказалъ одинъ пожилой родспвенникъ, выбравъ такую вольнодумную піесу для своего представленія?

—А почему же не такъ? спросилъ озадаченный Линдинъ.

— И эпо ты у меня спрашиваетъ? Прощу покорно! уже и ты зараженъ просвѣщеніемъ!

— Чпо мнѣ до вашего просвѣщенія, прибавила спарая пестушка; не въ помѣ сила: въ эпой комедіи, проспи Господи, нѣтъ ни христіанскихъ нравовъ, ни приличія!

— А шолько злая сапира на Москву, подхватила другая дама, помоложе. Пущь предспавляютъ ее въ Петербургъ—согласна; но не здѣсь, гдѣ всякой можешь узнать себя.

— Tant pis pour celui qui s'y reconnaît, сказалъ какой-то русской липераторъ въ очкахъ. Да эпо бы куда ни шло, ça serait même assez piquant; но какое оскорбленіе вкуса! Вопреки всѣмъ правиламъ, комедія въ чешырехъ дѣйствіяхъ! Не говорю уже о помѣ, чпо она писана вольными списхами; самъ Мольеръ...

— Вольные-бъ списхи ничего, возразилъ первый мужчина; шолько бы въ ней не было вольныхъ мыслей!

— Но почему жъ имъ и не быть? спросилъ одинъ молодчикъ, племянникъ Линдина.

Почтенный врагъ вольныхъ мыслей вымѣрилъ глазами дерзкаго юношу.

— А позволѣніе спросишь, господинъ умникъ, сказалъ онъ, чпо разумѣете вы подъ этими словами?

— Я разумѣю, отвѣчалъ, покраснѣвъ и заикаясь, нашъ юный орапоръ, я разумѣю, что вольныя мысли позволительны, и что безъ эпой свободы говорить, что думаешь....

— Мы избавились бы отъ многихъ глупостей? Не по-ли хопѣли вы сказать?

Сія слова были произнесены на распѣвъ, и такимъ голосомъ, кошорый обнаруживалъ сосредоточенную запальчивость, и при первомъ противорѣчїи гоповъ былъ разразился громомъ и молніей.

Линдинъ спѣшилъ отвратить грозу при самомъ ся началѣ. Онъ спалъ уговаривалъ спараго родственника, чпобъ онъ не горячился, и пѣмъ не распроивалъ своего драгоценнаго здоровья.

— Слушай, Пепръ Андреичъ, отвѣчалъ попъ послѣ грознаго молчанїя; если запрапы повпоришь свое безумствѣ, и сыграешь передъ публикой эпу комедїю, по я не я.... увидишь!

Тупъ онъ сжалъ зубы, схватилъ шляпу, и вышелъ поспѣшно изъ комнаты.

— Желаю знать, чѣмъ кончится эша шревога; но я—я—о!... я поспавлю на своемъ, сказалъ Линдинъ въ великодушномъ порывѣ сердца. Хопа бы тысяча родственниковъ, а *Горе отъ ума* будетъ сыграно.

— Однако.....замѣтила жена.

— Не слушаю, отвѣчалъ мужъ.

— Но если въ самомъ дѣлѣ эта пѣска заключаетъ въ себѣ вольныя мысли?

— Ну, сократимъ ее.

— Она сокращена и безъ насъ.

— Ну, въ какомъ случаѣ мы....эпакъ я и не найдусь.

— Всего лучше сократимъ ее вовсе, прибавилъ липераторъ, съ улыбкой самодовольствія.

— Bien dit, сказала дама помоложе.

— Давно бы пакъ, воскликнуло нѣсколько старушекъ.

Линдинъ былъ какъ на иголкахъ. Гордость и неуступчивость боролись въ немъ спрахомъ.

— По крайней мѣрѣ дайше сыграть ее сего дня, въ семьѣ—сказалъ онъ, смягчивъ голосъ— а шамъ—увидимъ.

Спирогія пѣшущки согласились на капитуляцію, и Линдинъ оправился отъ недавняго пораженія. Въ эту минути Вашаданъ вошелъ въ госпину.

— Непредвидѣнныя обспоянствя , сказалъ онъ послѣ первыхъ привѣствій, заснавляющъ меня оставивъ Москву ранѣе предпо-

ложеннаго мною срока. Я ѣду сего дня въ ночь; однако, желая по возможности облегчить вину свою передъ вами, и хопя въ половину исполнить обѣщанное, я оставилъ всѣ свои дѣла, и послѣдній вечеръ посвящаю вамъ: располагайте мною.

Линдинъ былъ внѣ себя опъ его любезности, а еще болѣе опъ того, что въ опъѣздѣ своего пріятеля находилъ благовидный предлогъ къ опмѣнѣ представленія, котораго теперь сполько же спрашился, сколько прежде желалъ изъ шщеславія. Правда, шяжелю ему было опказатьсь опъ своего любимаго намѣренія: блеснуть пышноспію, вкусомъ и даже—если не ошибаюсь—своей дочерью. Но еще шяжелѣе идти противъ общаго мѣнія. Такъ думалъ Петръ Андреичъ.

Позвали къ обѣду. Всѣ пошли попарно и молча. Бесѣда не была, какъ прежде, приправлена шупками и оспроуміемъ Вашіадана. Сей чудный гость, неизвѣспно почему, раздѣлялъ съ прочими то дурное расположеіе духа, которое, какъ лзва, переходилъ опъ одного ко всѣмъ, и проспираетъ на самыхъ веселыхъ свое губишельное вдіаніе.

Вскоръ послѣ спола начались приготошвленія. Линдинъ продолжалъ швердить роль; но чѣмъ болѣе спарался, тѣмъ менѣе успѣвалъ. Нако-

нецъ онъ кинулъ съ досады пепирадь, и хорошо сдѣлалъ. Въ день представленія опинюдь не должно перечипывать роль, какъ бы дурно вы ни знали ее: эпо совѣшъ одного опышнаго актера.

И пакъ Линдинъ, перекрестясь, положился во всемъ на крѣпкую грудь суфлера. Домашній оркестръ, составленный изъ двухъ скрыпокъ и фагота—(въ поропахъ не успѣли послать за другими инструменшами)—заигралъ увертюру, и всѣ зришели чинно усѣлись по мѣстамъ своимъ. Съ послѣднимъ ударомъ смычка поднялся занавѣсъ, и комедія пошла своимъ чередомъ — разумѣется — за исключеніемъ Фамусова, который вралъ безъ пощады и оспаниавливался на каждомъ словѣ, вслушиваясь въ подсказы суфлера.

Однако первое дѣйствіе кончилось довольно удачно при общихъ рукоплесканіяхъ доброхопныхъ зришелей. Линдинъ сказалъ препорядочно свой два сшиха:

Что за комиссія, Создатель,

Быть взрослой дочери отцемъ!

и Марья Васильевна, оспававшаяся въ паршеръ съ гостями, значипельно улыбнулась своему мужу.

Началось и второе дѣйствіе. Фамусовъ, или правильнѣе, Линдинъ довольно твердо выдержалъ огненные сарказмы Чацкаго, Скалозубъ проговорилъ басомъ, и Софья вышла на

сцену, дабы упасшь въ обморокъ. Она произносила уже стихъ:

Ахъ, Боже мой! упалъ, убится!
какъ вдругъ Вашіаданъ, съ словами :

Кто, кто это ?
снявъ фіолетовые свои очки, и устремилъ глаза на обернувшуюся къ нему дѣвушку. Я слышалъ крикъ и шумъ опъ паденія на полъ...

Громкія и продолжительныя рукоплесканія послѣдовали за ея масперскимъ обморокомъ; нѣкоторые кричали даже: форо! но я былъ за кулисами и видѣлъ причину ея безпамятства. Забывъ все, выбѣгаю на сцену и прошу о помощи.

Легко себѣ представивъ, какая суматоха поднялась въ залѣ, когда узнали, что обморокъ Глафиры былъ вовсе не искусственный. Мать бѣгала въ испугѣ изъ комнапы въ комнапу, спрашивая спиртовъ, соли; отецъ не могъ опомниться, и все еще приписывалъ эпощъ обморокъ чрезвычайному искусству дочери; изъ зрительей, нные суеписились вмѣстѣ съ Линдиной и еще болѣе ей мѣшали, а большая часть разѣхалась.

Невольно обрашилъ я глаза на спѣнные часы, висѣвшіе въ залѣ. Пропажно пробило на нихъ *десять*.

— Объ эту пору, въ исходѣ десяпаго, скончался возлюбленный Глафиры—подумаль

я и спалъ искапъ взорами Вашіадана. Но онъ исчезъ, и никто не зналъ, когда и какъ оставилъ домъ Линдина.

VII.

Внезапный опѣздъ Вашіадана возбудилъ во мнѣ сильныя подозрѣнія. Правда, обморокъ Глафиры могъ произойти опъ ея болѣзненнаго состоянія, или опъ той же обманчивой мечпы, копорая заспавляла и меня нѣсколько разъ находилъ въ подвижной физіономіи и въ голосъ сего спраннаго чловѣка сходство съ черпами и съ голосомъ покойнаго друга. Но, съ другой спороны, не могъ ли поступокъ его быть слѣдствіемъ какого нибудь обдуманнаго, злоумышленнаго плана? И нѣтъ ли въ его власпи скрыпныхъ, шайнспвенныхъ средствъ, съ помощію коихъ онъ приводитъ эпопъ планъ въ исполненіе? Поведеніе, характеръ, шаланпы Ваціадана были споль загадочны, что изъ оныхъ можно было выводилъ какія угодно заключенія. Онъ самъ не говорилъ о себѣ ни слова и спарался опклонять нескромныя вопросы любопытныхъ. Судя же по разсказамъ Линдина, и въ особенностпи чиновниковъ Банка, гдѣ онъ заложилъ множество бриліаншовъ и другихъ драгоцѣнныхъ вещей на огромную сумму, то былъ Грекъ, реме-

слово ювелиръ, или — какъ иные увѣряли — Еврей, алхимикъ, духовидѣцъ и чуть-чуть не Вѣчный Жидъ. Но сія самая неизвѣстность о его происхожденіи и занятіяхъ наводила на него еще сильнѣйшія подозрѣнія. Мнѣ казалось болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что онъ наглый и хитрый обманщикъ, у котораго на умѣ что-то не доброе, хотя и шрудно проникнуть въ его цѣли.

Въ сей увѣренности я отправился на слѣдующее утро къ Линдинымъ осведомиться о здоровьѣ Глафиры.

Меня встрѣпила мать. Я спросилъ ее о дочери: по словамъ ея, она провела ночь покойно и еще не просыпалась.

— Знаете ли — прибавила таинственно Марья Васильевна — знаете ли, о чемъ, я думаю, больна моя Глафира?

— О чемъ?

— Она сглажена!

Я не могъ не улыбнуться при такомъ объясненіи ея болѣзни; но Линдина продолжала:

— Вы смѣняетесь? сказала она съ укоризной; но я совершенно тому вѣрю.

— И я не вовсе отвергаю возможности магнетическаго дѣйствія глазъ на людей и жи-

важныхъ, отвѣчалъ я. Между прочимъ мнѣ сказывали объ одномъ человѣкѣ простаго званія, кшпорый носилъ зонпикъ на глазахъ единспвенно изъ боязни причинить вредъ своимъ взоромъ. Но его опасенія могли бытъ ложны; что же касается до Глафиры.....

— Вашъ примѣръ еще болѣе подтврждаетъ мою догадку. Мнѣ кажется, что Вашаданъ носилъ фиолетовые очки изъ той же предспорожностп. Когда онъ снялъ ихъ, Глафира топчасъ упала въ обморокъ. Но я умыла ее святой водой, и надѣюсь, что болѣзнь пройдетъ скоро.

Не кспати было сообщать ей теперъ мои подозрѣнія на счетъ Вашадана. Время, полагалъ я, объяснитъ загадку; хотя во всякомъ случаѣ благоразуміе пребывало бы обходиться оспорожнѣе съ двусмысленнымъ пріятелемъ Пепра Андреича. Но это его дѣло, а не мое.

При семъ раздумьи, насъ позвали къ Глафирѣ. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, она желала меня видѣть.

Больная сидѣла на постели, склоня голову къ подушкамъ. Положеніе ея руки на лбу показывало, что она спарается привестъ себя на память случившееся вчера съ нею.

Разсказъ мапери подтвердилъ ей темное воспоминаніе.

— Да, сказала она наконецъ слабымъ голосомъ; почти шакъ. О, какъ это было спрашено! — Но гдѣ бапюшка?

— Онъ поѣхалъ въ клубъ, душа моя, опѣчала мапъ, и скоро возвратится.

— Скоро? дай-шо Богъ! Пора, давно пора открыть вамъ, мои родители, тайну этого бѣднаго сердца. Вчерашній случай заставляетъ меня поспѣшить моимъ признаніемъ. Не уходите, прибавила она, обратясь ко мнѣ; вы будете моимъ земнымъ свидѣтелемъ.

Глафира находилась въ напряженномъ состояніи духа. Жаръ ея увеличивался, щеки и глаза пылали. Она продолжала съ какою-то невыразимой поржесшвенностію:

— Быть можетъ, признаніе мое поздно; но по крайней мѣрѣ вы поймете дочь свою; и если суждено ей скоро умереть, то она не понесетъ во гробъ тайны, скрытой отъ родителей. Тогда молитесь за меня и просите Бога, чтобы онъ не лишилъ вашу дочь той оспрады въ будущей жизни, которую она напрасно искала въ здѣшней.

Сии слова произвели необычайное дѣйствіе на Линдину. Для ней все это было неожиданно, непонятно. Она хотѣла говорить, и вдругъ судорожно схватила руку дочери.

Въ эпу минушу вошелъ Пепръ Андреичъ. Едва обратилъ онъ вниманіе на больную и, поцѣловавъ ее въ лобъ, началъ :

— Ну, чпо, прошло ? Я зналъ, чпо прой-
дѣтъ. Предсавъ, Магіе, продолжалъ онъ
гнѣвно ; проказникъ - то, нашъ роденька, ма-
ло того, чпо вчера на меня прогнѣвался;
нѣтъ, изволь опсправивсь въ клубъ, да со-
спавъ тамъ заговоръ противъ моего предспа-
вленія! Хорошо, чпо болѣзнь дочери заспа-
вила меня опмѣнитъ его; не то, подумали
бы, чпо я спрусилъ. Нѣтъ, брашцы, не
того я десяпка! Чпо запѣялъ, то и выпол-
ню, хопъ будыте вы семи пядей во лбу. Ви-
дишь, вздумали сомнѣваться въ моемъ вѣрно-
подданствѣ! Куда подѣхали!—Сего дня, вхожу
въ газетную: сидитъ Князь Иванъ, да. . . .

Линдина слушала своего мужа, скрѣпя серд-
це ; но, не предвидя конца его разсказнямъ,
прервала ихъ наконецъ съ видомъ глубокаго
негодованія :

— И шебъ не совѣстно, сказала она, зани-
маться эшими вздорами, когда дочь швоя на
краю гроба!

Сильный ударъ долбней не произвелъ бы на
Пепра Андреича бѣльшого дѣйствія, чѣмъ
эши слова. Онъ оспался въ томъ же положе-
ніи, въ какомъ былъ при концѣ своего раска-

за: съ раскрытымъ рпомъ, съ наклоненнымъ плуовищемъ, и руками, опершимися дугою на колѣна. Чувство родительское восшорже-спвовало надъ мѣлкимъ самолюбіемъ.

— Какъ, на краю гроба? возопилъ онъ, выйдя изъ оцѣпенснїя.

— Да, и на краю гибели. Слушай призна-ніе своей дочери, бытъ можешь, своей прес-шупной дочери!

Глафира вслнчаво поднялась съ своей по-спнели.

— Я пресшупная? воскликнула она. Нѣтъ, роднтели! Я чнспа, какъ голубъ, и непороч-на, какъ агнецъ. Моя вина лишь въ томъ, что я скрывала опъ васъ мою спрасъ. . . . Я любила!

— Ты любила! вскричали отецъ и мать.

— И поперяла своего возлюбленнаго, про-должала Глафира сдва вняпнымъ голосомъ. — Вчера ровно годъ, какъ онъ умеръ.

— А кто опъ дерзкій, которъй осмѣлил-ся любить тебя безъ нашего позволенїя? спросилъ срднпо отецъ.

— Не шревожыте его праха, уныло опъ-чала дочь. Вошъ свидѣтель, что мой покой-ный другъ до самой своей кончины скрывалъ опъ меня любовь свою. Слишкомъ поздно узнала я, какое пламенное чувство онъ ни-палъ ко мнѣ.

— И вы, сударь, знали о томъ, и молчали?

— Онъ обязалъ меня кляпвою никому не вѣрять его тайны, кромѣ вашей дочери. Забвѣнные слова умирающаго священны: я исполнилъ ихъ со всею спротою долга.

— И ты любила его еще при жизни?

— Да, и еще болѣе люблю его по смерти. Я поклялась—и теперь, предъ лицомъ Бога и передъ вами, повпоряю мою кляпву—я поклялась не принадлежать никому въ здѣшнемъ мѣрѣ.

Сии слова, произнесенныя съ необычайной твердостью, обезоружили гнѣвъ отца.

— Но ты не откажешься принадлежать намъ? сказалъ онъ съ чувствомъ.

— О батюшка, о родители! отвѣчала распроганная дочь; вамъ однимъ принадлежу я — я ваша, но не думаю, чтобы надолго.

Мать, не говорившая до того ни слова, вдругъ зарыдала, и опустила голову на грудь своей дочери.

— Глафирушка, милое, единородное мое дѣтище, возопила она, спеная; не покидай насъ, живи для насъ! Болѣе ничего не прошу, прощаю; благословляю любовь твою!

Эпопъ порывъ материнскаго сердца повторилъ всю мою внутренность; слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Линдинъ плакалъ на всрыдъ.

Нѣсколько минутъ продолжалась сія безмолвная, но прогашельная сцена. Глафира подняла первая голову. Ея лице, не задолго унылое и пасмурное, теперь казалось преображеннымъ опъ воспорга и чистѣйшей радости. Но вдругъ какая-то новая мысль пробѣжала по челу дѣвушки, и словно облакомъ задернула лучезарный свѣтъ ея очей.

— Благодарю васъ, мои родители, сказала Глафира, за эту прекрасную, эту блаженную мину. Но какъ быспро она промчалась! Тяжелое воспоминаніе ее отправило. Змѣй Вашіаданъ смертельно уязвилъ меня.

— Чпо говоришь ты о Вашіаданѣ, другъ мой? спросилъ испуганный Линдинъ.

— Слушайте; я кончаю свое признаніе: покойный мой другъ носилъ на рукѣ фамильный перстень; помню, онъ часпо говаривалъ, будто въ этомъ перстнѣ заключается таинственная сила, и чпо опъ него будущее зависѣтъ судьба шой, которую онъ изберецъ себѣ въ супруги. Это преданіе, вмѣстѣ съ вещію, перешло къ нему опъ бабушки. Я принимала его слова за шутку, и позабыла бы о нихъ, если бъ на аукціонѣ не воспрѣтила перстня. Я не могла понять, какимъ образомъ онъ попалъ между вещей Графа; но была рада, чпо мнѣ предсѣавился

случай купишь его. Сходство изображенія съ черпами покойника напомнило мнѣ таинственныхъ предрѣканій. Я думала обручиться эшимъ перспнемъ на вѣки съ ненареченнымъ супругомъ, какъ вдругъ кпо-по въ полнѣ, съ его черпами и голосомъ, надбавляеиъ цѣну и опнимаеиъ у меня сокровище, за которое тогда опдала бы я полжизни. У меня померкло въ глазахъ; не помню, какъ мы прѣѣхали домой. Возвратись за перспнемъ, было поздно. . . Прошло нѣсколько дней; приготошвенія къ Комедіи развлекали меня, время ослабило восшоминаніе о палисманѣ: я спала покойнѣе. Но вчера. . . видали ль вы Вашіадана безъ очковъ? . . . Вчера, когда онъ снялъ ихъ во время ренепиціи, лице, голосъ его вдругъ измѣнились: передо мной споялъ мой возлюбленный, почъ въ почъ ойъ. . . . И въ довершеніе очарованія—таинственный перспень, блеснулъ на его рукѣ: удивленіе, спрахъ, ужасъ овладѣли мною, я обезпамятѣла. Помню, какъ это же лице мелькнуло и на аукціонѣ, какъ тѣ же глаза, пламенные и неподвижные, были и тогда устремлены на меня. Спрашно при одной мысли. . . Не дай Боже встрѣтись мнѣ опять съ этими взорами! Мнѣ кажется, я ихъ не вынесу.

Глафира ушолкла. Изумленіе наше было невыразимо. Я не зналъ, вѣришь или нѣтъ

спраннымъ повѣствованію; я готовъ былъ принять оное за бредъ болящей, или даже за признакъ ея умственнаго расстройства. Но многое изъ рассказаннаго ею о Вашіаданѣ подтверждалъ мнѣ собственный опытъ; давно я питалъ къ нему недовѣрчивость и подозрѣнія. Видѣ спрдалицы пробудилъ во мнѣ все негодованіе.

— Вашъ мнимый пріятель, сказалъ я Линдину съ жаромъ, есть явный злодѣй и обманщикъ, хотя бы одна десятая часть нами слышаннаго была справедлива. Даю вамъ слово отыскать его, и потребовать отъ него отчета въ гнусной шуткѣ, которую онъ сыгралъ надъ вашей дочерью.

— Не берите на себя труда его отыскивать—сказалъ кто-то позади меня твердымъ и знакомымъ голосомъ.

Я оглянулся — то былъ самъ Вашіаданъ.

(окончаніе слѣдуетъ.)

IV

КЪ Н. Н.

O! where is Lethe's fabled stream?

Byron.

О память! вѣрная могила
 Печали, радости земной!
 Ты много дней похоронила,
 Зажженныхъ счастьемъ надо мной.

За чѣмъ же всѣхъ не забывала?
 За чѣмъ, одной не изменя,
 Ты, какъ святыню, берегала
 Ее на сердцѣ у меня?

Я помню. . . роза молодая,
 Свой блескъ подъ зеленью тая,
 Она явилась, разцвѣтая. . .
 Взглянуть и заглядѣся я.

Въ свои безоблачные годы
 Безпечной жизнью гуля,
 Она, казалось мнѣ, природы
 Была любимое дитя.

Телеск. Ч. III.

22

И съ простодушнымъ упоеньемъ
Я слушалъ звукъ ея рѣчей ,
И съ безкорыстнымъ наслажденьемъ
Смогрѣлъ на свѣтъ ея очей.

Но вдругъ судьба такъ своевольно
Ее отъ насъ умчала въ даль—
И сжала сердце мнѣ такъ больно
Моя сопутница , печаль.

И долго ждалъ я тѣхъ мгновений ,
Когда опять она блеснетъ. . .
Какъ будто въ ней мой добрый гений
Мнѣ радость вѣчную вознесетъ !

И вопъ она передо мною ,
Вопъ пышно разцвѣла она ! . .
За чѣмъ же новою поскою
Моя душа опягчена ?

Не мнѣ любви очарованье
И страсти первая слеза ;
Не мнѣ шепнетъ она признание ,
Потупивъ черные глаза.

Я знаю... мракъ несчастной ночи ,
 Мой скучный жребій осяня ,
 Ея сіяющія очи
 На вѣки скроешь опѣ меня.

Н. ПАВЛОВЪ.

V.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ
 НА ХОЛЕРУ а).

Feindschaft sey zwischen euch! Noch kommt das Bündniß zu früh:
 Wenn ihr im Suchen euch trennt, wird erst die Wahrheit erkannt!
 Schiller.

Въ каждой болѣзни, тѣмъ болѣе въ болѣз-
 няхъ повальныхъ, главнѣйшее требованіе со

а) При настоящей зыбкости эмпирическихъ понятій о холерѣ, къ сожалѣнію, все еще свирѣпствующей, считаемъ обязанностью довести до общаго свѣденія новый *взглядъ* на сію болѣзнь, который, будучи основанъ на началахъ умозрительнаго вѣденія природы, по справедливости заслуживаетъ названіе *философическаго*. Изд.

спороны Медицины состоипть въ шомъ, чпобъ опредѣлипть вѣрный способъ леченія и назначипть надежнѣйшія мѣры къ прекращенію зла. Самое естесппвенное, а попому и прочнѣйшее основаніе шого и другаго естъ напура болѣзни. Посему, чпобы опредѣлипть способъ леченія и назначипть мѣры къ прекращенію холеры, необходимо опредѣлипть ея напуру. Въ противномъ случаѣ какъ леченіе, шакъ и мѣры предспорожностп будутъ эмпприческія; при чемъ успѣхъ и неудача равно останупся безъ удовлетвориптельнаго объясненія, слѣдователъно безъ пользы для науки и безъ надежды дѣйсппвоватъ когда либо противъ сего зла основателъно — по плану.

Напура болѣзни познается изъ ея припадковъ; но изъ однихъ и шѣхъ же припадковъ часто выводятся различныя заключенія. Эпо зависипть онъ разумѣнія наблюдателя и качесппва ученія, коимъ онъ написанъ. Поелику истина, какъ сходсппво понятій съ предметомъ, можетъ быть шолько одна; по, въ случаѣ различія мнѣній объ одной и шой же болѣзни, заключипть должно, чпю или всѣ онъ ложны, или одно шолько истинно. А какъ ихъ о холерѣ появилось уже чрезвычайно много; по и необходимо имѣть въ виду правило, по коему бы удобно было цѣнпть ихъ досппсппсво.

Мнѣніе о холерѣ должно быть началомъ для составленія полной теоріи сей болѣзни. Сіе возможно въ томъ только случаѣ, когда всѣ припадки и успѣшный способъ леченія выведенъ по закону необходимости изъ опредѣленія болѣзни, какъ общаго начала. Посему мнѣнія о холерѣ, изъ коихъ нельзя объяснить всѣхъ припадковъ болѣзни и способа леченія, не имѣютъ никакой цѣны въ ученѣмъ отношеніи; онѣ ниже всякой кришки. При такомъ взглядѣ на онія, останутся очень многія, которыя достойны вниманія ученыхъ.

Припадки холеры, сколько теперь всякому извѣстные, не всегда всѣ въ одномъ холерикѣ замѣчаются; обыкновеннѣйшіе суть: мгновенный упадокъ силъ, головокруженіе, необыкновенное измѣненіе голоса при затруднительномъ дыханіи, мертвенное спаденіе лица, водянистый поносъ и рвога, боль подъ ложкою, охлажденіе конечностей и всего тѣла, корчи, внутренній жаръ и жажда, синета ногтей и всей кожи. Случается, хотя очень рѣдко, чію поноса и рвоги не бываетъ, а больной умираетъ въ корчахъ при одномъ охлажденіи тѣла, измѣненіи лица и голоса; головокруженіе и боль подъ ложкою также не всегда сопутствуютъ холерѣ; самыя корчи иногда не замѣчаются.

Припадки непостоянные должны быть по-

слѣдовательными, въпоричными, а не существенными; напура болѣзни должна быть объяснена изъ припадковъ посποянныхъ. Таковыя въ холерѣ суть: мгновенный упадокъ силъ; необыкновенный охриплый голосъ при затруднительномъ дыханіи; какъ бы изъ глубины слышимый; нульсь, слабый, почти неошущительный; мерщвенное спаденіе лица; синеша и охладѣніе шѣла, начинающееся отъ конечностей. Къ симъ припадкамъ, посποянно сопутствующимъ холерѣ, должно еще причислить черноту крови; ибо кровь также посποянно у всѣхъ холериковъ чернѣетъ. Вскрытія холерическихъ труповъ показали, что кровь холериковъ чернѣетъ даже въ артеріяхъ (а). Явный знакъ, что кроветвореніе (*sanguificatio*) у холериковъ прекращается. Въ воздухѣ, издыхаемомъ холериками, по опытамъ Деви, углекислаго газа содержится менѣе шретьею частію пропивъ издыхаемаго здоровыми. Ясно, что процессъ дыханія, состоящій въ окисленіи крови, слабѣетъ; опшуда нарушеніе и въ кроветвореніи. Кожа сжимается, крѣпнеть; влаги устремляющся къ пищевому каналу и извер-

(a) *Disquisitio anatomico-pathologica in hominibus cholera-morbo extinctis, a D. Kudriawceff et MM. Bogoluboff et Kikin facta. Mosquæ. 1831.*

таются опчаслти рвоною, а болѣе поносомъ; опправление (functio) кишечнаго канала такъ же видимо нарушается; кровь, лишаясь водянислой часлти, густѣетъ.

Вопшь сущеслвенныя, постоянныя явленія въ шѣлѣ, пораженномъ холерою! Очеидно, что сценною дѣйсвлія сей болѣзни сслужитъ распшпелъная сислсма въ шѣлѣ живошномъ — она одна исключишельно; ибо корчи—это явленіе въ сшерь живошной сислсмы—супъ прппадкп послѣдовательныя.

Распшпелъную сислсму въ шѣлѣ живошномъ сослвляють: А) органы пппанія и Б) органы распложенія. Въ холерѣ поражающа нервыя. Органы пппанія супъ: а) органъ ппщеваренія—ппщевой каналъ; б) сосуды: кровеосные и ласочныя; в) органы дыханія—легкія. Жнзнь распшпелія сослшоптъ въ рашеніи (crescentia) и распложеніи (propagatio speciei); рашеніе естъ жнзнь распшпелія собшвенная. Сислсму рашенія въ распшпеліи сослвляють: корень, спволъ и лиспья. Явленія, сослвляющія собшвенную жнзнь распшпелія, совершающа шолько въ корнѣ, спволѣ и лиспѣ.

Цвѣтъ естъ органъ распложенія. Распшпелъный процессъ, сослвляющій собшвенную жнзнь распшпелія, можетъ сущеслвоватъ и безъ цвѣла, какъ процессъ опдѣльный, самослояпелъный; онъ сослшоптъ въ непре-

рывномъ разрушеніи вещества спараго и образованіи новаго. Такой процессъ вообще называется химическимъ или химизмомъ. Слѣдовательно расписательный процессъ не другое что есть, какъ непрерывный химизмъ; а не прерывный химизмъ при явленіи электричества, называется гальванизмомъ. Но поелику дознано, что безъ явленія электричества не бываетъ химическаго процесса; по непрерывный химизмъ и гальванизмъ суть слова однозначащельныя. При каждомъ химическомъ процессѣ рождаются тепло и теплота; поему внутренняя теплота расписанія, развивающаяся въ немъ самомъ, есть произведеніе расписательнаго гальванизма. Гальванизмъ обнаруживается въ кругу гальванической цепи; сія имѣетъ два полюса: положительный или кислородный и отрицательный или водородный. Въ расписаніи, какъ сомкнутой гальванической цепи, полюсъ положительный составляетъ листъ — органъ воздушный; полюсъ отрицательный выражается корнемъ, органомъ земли; середина есть стволъ — органъ воды или соковъ.

Жидкость, подверженная дѣйствию гальванизма, полюсами онаго по припаявается, по опалкивается и потому находящаяся въ движеніи.

Жидкость, находящаяся въ кругу расписательнаго гальванизма, есть сокъ расписанный: по-

сѣму движеніе онаго опть одного полюса къ другому естъ движеніе необходимое. Движеніе сіе опть корня къ листьямъ и обратно произходишь дѣйствительно, какъ скоро распительный процессъ успанаавливается.

При наступленіи осени, или съ уменьшеніемъ теплоты, распительный процессъ ослабѣваетъ и наконецъ совсѣмъ прекращается, Листья, какъ неимѣющіе болѣе назначенія, спадаютъ, соки сливаются къ корню. Съ наступленіемъ весны, какъ скоро теплота атмосферы увеличивается значительно, соки опть корня поднимаются, листья распускаются вновь и распительный процессъ возстановляется.

Холера, поражая распительную систему въ тѣлѣ живоотномъ, сначала ослабляетъ, подъ конецъ совсѣмъ уничтожаетъ распительный процессъ, служащій основою живоотной жизни. Она въ тѣлѣ живоотномъ поже производитъ, что зима въ растѣніи. Посему холеру можно называть органическою зимою. Выраженіе спрланное но справедливое. Вникнемъ.

Врачи по образу ученія и понящій раздѣляются на эмпириковъ и философовъ. Врачи эмпирики, разсмапривая шѣло живоотное, какъ машину своего рода, ондѣльно опть природы, теряюща въ ней, какъ въ лаби-

ринитъ; для нихъ всякое явленіе въ тѣлѣ есть явленіе опдѣльное. Ненастоящій взглядъ на предметъ ведетъ ихъ къ ложнымъ слѣдствіямъ. Для врачей философовъ тѣло живописное есть сокращенный физическій міръ, микрокосмъ, дѣйствующій по однимъ законамъ съ міромъ общимъ, макрокосмомъ. Вселенная, поражающая насъ своею безпредѣльною обширностію, изумляетъ вмѣстѣ спрочайшею правильностію всѣхъ несмѣтныхъ движеній, имѣющихъ мѣсто въ ея безконечной вмѣстимости; такая гармонія показываетъ единство закона, господствующаго во вселенной. По началамъ Астрономіи со всею возможною точностію подвержено изчисленію движеніе тѣлъ небесныхъ, находящихся отъ насъ на чрезвычайномъ разстояніи; опредѣляются даже секунды, когда по или другое тѣло должно быть въ той или другой точкѣ необъятнаго небеснаго пространства: причину тому единство закона, по которому совершаются движенія міровъ. Если же и на такомъ пространствѣ, въ космѣ перенесено самое воображеніе, замѣчается одинъ законъ; можно ли думать, чтобы на планетѣ, нами обитаемой, на этой малѣйшей точкѣ въ отношеніи къ цѣлой вселенной, были законы разнообразныя, безчисленныя, какъ того хотѣли односторонніе эмпирики, кои на каждое явленіе придумывается особый

законъ , особая теорія? Это противно здравому смыслу. Легче понять и правильнее думать, что на планетѣ также одинъ законъ, что растительный процессъ въ тѣлѣ живономъ также гальанизмъ , какъ и въ самомъ растѣніи. Различіе одно: растительный процессъ въ растѣніи состоитъ непосредственно подъ вліяніемъ силъ земныхъ и свѣта ; а въ тѣлѣ живономъ процессъ сей состоитъ подъ тѣмъ же вліяніемъ при посредствѣ процесса живоного; тотъ же и другой въ тѣлѣ человека находится еще подъ вліяніемъ мыслящаго духа. Легкія въ живономъ осуществляютъ листьямъ въ растѣніи ; тѣ и другіе суть органы дыханія : въ живоныхъ здѣсь окисловоряется кровь, въ растѣніяхъ соки. Сосуды въ живономъ осуществляютъ стволу въ растѣніи ; первые суть органы кровенворенія , второй есть органъ соковворенія. Пищевый каналъ въ живономъ осуществляетъ корню въ растѣніи ; тотъ и другой — органы пищеваренія.

Обратимся къ холерѣ. Она , поражая тѣло живоное, производитъ въ немъ сжатіе , идущее отъ периферіи ; другими словами : производитъ спазмъ , простирающійся отъ поверхности внутрь — истинное приближеніе зимы ! Легкія , эти листья живоныхъ , спадающія ; процессъ дыханія распро-

ивающа: опшуда необходимо слѣдуетъ измѣненіе голоса. При распройсвѣ дыханія окисловореніе крови запрудняется также необходимо; и поному кровь должна чернѣть непременно: опшуда синеша ногшей, а въ послѣдствіи и всего тѣла. При распройсвѣ кровешворенія — споль важнаго процесса въ экономіи живошнаго тѣла — силы больного должны унасить необходимо: опшуда споль сильное и вмѣстѣ мгновенное расслабленіе холериковъ. Главнѣйшій источникъ теплоты естъ химизмъ крови или кровешвореніе, куда опносятся и дыханіе; при распройсвѣ сего процесса явленіе холода естъ неминуемое слѣдствіе. Химизмъ крови распроеивается начально въ легкихъ, но при воспослѣдовавшемъ за нѣмъ общемъ периферическомъ спазмѣ, кровешвореніе должно совершенно прекратиться прежде въ окончаніяхъ кровеносныхъ сосудовъ: опшуда въ холерѣ охладѣніе прежде конечностей, а послѣ и всего тѣла. Тѣло живошное, въ себѣ самомъ заключающее источникъ теплоты, подобно закрытому парнику. Живошная теплота, развивающаяся въ немъ химизмомъ, сославляющимъ расшительную жизнь, поддерживаетъ полную всѣхъ плошныхъ частей и расширенность самой крови. При ослабленіи сего химизма спаденіе всего тѣла и самой

крови неизбежно. Вотъ причина измѣненія лица холерика, выпаденія глазъ и одна изъ причинъ сгущенія крови! Опшпуда заспой сей послѣдней; головокруженіе есть слѣдствіе тогоже; пускаемая больнымъ кровь, въ значительной степени разкрытія холеры, едва или совсѣмъ не печетъ; если печетъ, то по цвѣту и густотѣ походитъ болѣе на деготь. При спаденіи лимфевъ съ наспупленіемъ осени, или съ уменьшеніемъ теплоты, соки расптѣнія, какъ замѣчено выше, сливаются къ корню: и въ холерѣ при спаденіи легкихъ или при разспройспвѣ ихъ отсправленія, и съ уменьшеніемъ живоппной теплоты, влаги успремляюща къ пищевому каналу, къ сему корню распшпельной системы въ шѣлѣ живоппномъ; водянистая частъ крови, оспаляя волокнистую частъ, пудаже успремляется; кровь густѣетъ болѣе и, накаплиаясь въ кровеносныхъ сосудахъ брюшныхъ внуспренноспей, распягиваетъ оныя; скопаясь въ венозныхъ сосудахъ желудка, пронзводитъ пакъ называемую боль подѣ ложкою. Спазмъ простирается глубже, смыкаетъ большую частію и желчный протокъ; опшпуда изверженія холериковъ, что наичаще случается, чисно водяниспья. Опдѣлспіе влаги въ пищевой каналѣ не есть дѣйствіе механическое; это химіомъ своего

рода; а при каждомъ химическомъ процессѣ рождается теплота: опшуда нестерпимый у холериковъ внушренній жаръ въ то время, когда тѣло снаружи и самый языкъ леденѣющъ.

Вопъ холера со всею свитою своихъ припадковъ, постолянныхъ и случайныхъ!

Опсюда очевидно, что *холера состоитъ въ быстрой разстройствѣ растительнаго процесса въ тѣлѣ животномъ.*

Чпожъ касается до корчей въ холерѣ, то онъ суть слѣдствія разрушеннаго равновѣсія между расписительною и живошною системою тѣла.

Систему живошную составляютъ: А) органы движенія: а) кости, б) мышцы и с) нервы; Б) органы чувствъ.

Въ холерѣ поражаются первые. Жизнь животнаго тѣла состоитъ изъ двухъ: а) *растительной*, имѣющей сценою своего дѣйствія систему питания и рожденія и б) *собственно животной*, имѣющей сценою своего дѣйствія систему движенія и чувствованія. Первая со-впорою находится въ прошивуположности, такъ что, при ослабленіи одной, другая усиливается непременно. Разписельнымъ пому доказательствомъ служитъ откармливаніе животныхъ при возбраненіи имъ движенія и при заглушеніи всѣхъ ихъ чувствъ. Когда животное держатъ въ темныхъ узкихъ кле-

вахъ, голову окупывають такими веществами, которыя наименѣе проводятъ звукъ, словомъ, когда опнимають у живописнаго возмoжностъ къ движенію и всѣ чувства его приводятъ въ бездѣйствительностъ; живописная жизнь, состоящая въ движеніи и чувствованіи искусственно ослабляется до возможности: расширительная опъ того усиливается; ибо жизнедѣятельностъ вся устремляется на одинъ предметъ, а именно на питание, и живописное опъ того неимоувно увеличивается. Такъ на оборотъ при ослабленіи опправлений расширительныхъ должны возвыситься живописныя опправления, и дѣйствительно возвышаются. Я сказалъ:—при ослабленіи; чтоужъ должно произойти въ послѣднихъ при совершенномъ прекращеніи первыхъ, тогда какъ послѣднія не изнемоги и не успѣли еще утвердить своего хода? Всѣмъ извѣстно, что идущій въ лодкѣ человекъ споя, при мгновенномъ оспановленіи оной, падаетъ впередъ; ибо оспановленіе движенія лодки не можетъ вдругъ разпроспраниться на все его тѣло, такъ что онъ прежнимъ движеніемъ долженъ быть непременно увлеченъ; его паденіе безъ постепеннаго оспановленія неизбежно. Въ холерѣ расширительная жизнь, состоящая обыкновенно съ живописною въ равновѣсіи, вдругъ оспанавливается; живописная,

неприготовленная къ пиюму, продолжаетъ дѣйствовать, и, небудучи удерживаема растительною въ равновѣсїи, дѣйствуетъ болѣзненно, бурно. Судорожныя движенія быстро поражаемыхъ холерою продолжаются даже и послѣ ихъ смерти; разительнѣйшіе примѣры сихъ движеній въ холерическихъ трупяхъ замѣчены въ Пашковской больницѣ, состоявшей подъ главнымъ медицинскимъ завѣдываніемъ Г. Гульковского. Иначе какъ объяснить корчи въ холерѣ, эту ужасную, такъ быстро возникающую органическую бурю въ сферѣ живої жизни? Въ горячей ваннѣ, особенно паровой, онѣ прекращаются; ибо растительная жизнь въ семъ случаѣ возбуждается къ дѣятельности и, приходя въ равновѣсіе съ живої, умѣряетъ ея движенія, вышедшія изъ своихъ предѣловъ.

Итакъ холера есть быстрое разстройство растительнаго процесса въ тѣлѣ животнаго, состоящее въ разрушеніи всей системы питанія, а именно: дыханія, кровотоенія и пищеваренія, безъ современнаго изнеможенія системъ животныхъ.

Растительный процессъ есть гальанизмъ или непрерывный химизмъ. Химическій процессъ обыкновенный, хотя постоянно сопровождается явленіемъ электричества, можетъ сосуществовать при взаимномъ дѣйствіи двухъ

только однородныхъ веществъ и по образованіи изъ нихъ новаго вещества прекращается. Для гальваническаго необходимы при вещества; при томъ въ гальваническомъ процессѣ, какъ химическое дѣйствіе, такъ и явленіе электричества не прерывно. Посему-то и утверждаю, что гальванической процессъ есть непрерывный химизмъ. Гальанизмъ есть открытіе новыхъ временъ; но открытіе не есть изобрѣтеніе: открыть значитъ замѣнить въ природѣ то, что еще не было замѣчено. Слѣдовательно гальваническій процессъ, прежде нежели былъ открытъ, существовалъ уже въ природѣ. Гдѣ же? Всюду, гдѣ только соединяются въ одно цѣлое при проводника электричества: или два твердыхъ и одинъ жидкій, или два жидкихъ и одинъ твердый. Въ большомъ видѣ природа представляетъ намъ такое соединеніе трехъ проводниковъ электричества въ одно цѣлое въ планетѣ, а именно: воздуха, воды и материка. Посему планета есть естественная гальваническая цѣпь, а Вольтою составленная есть случайно снятая модель оной. Въ кругу сомкнутой гальванической цѣпи явленіе гальваническаго процесса неоптѣнно. Планета по составу есть гальваническая цѣпь; подтверждаютъ ли сіе явленія планетныя?

Вообразимъ себя на нѣкоторой высотѣ надъ земнымъ шаромъ, откуда всею удобностію

можемъ наблюдать все, на ономъ происходящее: первое, что основаніи наше вниманіе, будемъ атмосфера, или прозрачная жидкая масса, окружающая материкъ и воды со всѣхъ сторонъ до значительной высоты. Увидимъ, что это вещество, составляющее прозрачный покровъ земнаго шара, воздухъ находится въ волненіи, но въ волненіи не единообразномъ; замѣтимъ, что между экваторомъ и 30° широты на каждомъ полушаріи по полугоду бываетъ, то постоянная пишина, то постоянные вѣтры, дующіе по одному направленію, а за 30° найдемъ ихъ то возраждающимися, то прекращающимися всегда непостоянно, неправильно 30 тые градусы на обоихъ полушаріяхъ составляютъ предѣлы періодическихъ вѣтровъ. Наблюдая сіи явленія атмосферы, не можемъ не примѣтить, что по временамъ обременяется она то облаками, то огненными шарами, часто при шумномъ разрывѣ своемъ выбрасывающими раскаленные камни; не можемъ также не замѣтить, что въ предѣлахъ періодическихъ вѣтровъ періодически же льются дожди по полугоду на каждомъ полушаріи. Опять экватора обращая взоръ къ полюсамъ, мы найдемъ атмосферу покойнѣе, но по временамъ будемъ поражаемы ослѣпительнымъ блескомъ, разливающимся на значительномъ пространствѣ, блескомъ, называемымъ

на нашемъ полушаріи сѣвернымъ , а на противуположномъ — южнымъ сѣніемъ. Вникая болѣе въ явленія воздушныя, замѣтимъ, что равновѣсіе составныхъ частей атмосферы ежемгновенно разрушается и ежемгновенно же содержаніе оныхъ остается одинаковымъ. Явный знакъ, что атмосфера ежемгновенно разрушается и ежемгновенно же возраждаетъ. Изъ пепельныхъ облаковъ съ погрѣшеніемъ земли, воды и атмосферы, выбрасываемыя пламенные рѣки лавъ опивлекутъ наше вниманіе оныхъ явленій воздушныхъ къ матеріку. Къ удивленію замѣтимъ, что и эта груда вещества опиввердѣла, земля, проникнута силами, въ слѣдствіе дѣятельности коихъ вещество матеріка подвержено волненію своего рода, знаменуемому по развѣвающимися пропастинами, по возникающимъ вновь горами, какъ на матерой землѣ, такъ и среди океановъ. Замѣтимъ, что минеральныя массы, составляющія матеріку, по разрушаются, по вновь составляютъ: возрожденіе солей и металловъ въ составленныхъ концахъ сказанное подтверждаютъ убѣдительно. Непрерывное испареніе водъ морскихъ; постепенное въ нихъ образованіе солей, всегдашнее ихъ истощеніе при кристаллизаци пѣль орудныхъ и минеральныхъ, теплые источники среди пѣкопрыхъ морей и по временамъ изъ

пѣнистыхъ волнъ вырывающемся пламя покажутъ ясно, что и вода претерпѣваетъ измѣненія въ своемъ веществѣ. Такъ — составныя части планеты, называемыя земными стихіями, находятся въ непрерывной измѣняемости, а именно: въ разрушеніи вещества стараго и образованіи новаго съ явленіемъ магнетизма и электричества, обнаруживающагося въ громахъ, землетрясеніяхъ и проч. Посему процессъ планеты, или взаимное дѣйствіе стихій земныхъ неоспоримо есть процессъ гальваническій; это показываютъ явленія планеты и составъ оной.

Если планета есть гальваническая цѣпь, припомъ сомкнутая, слѣдовательно въ непрерывномъ дѣйствіи состоящая; то все, живущее на землѣ, находится въ кругу планетнаго гальваническаго дѣйствія. Отсюда понятно, какое сильное можетъ имѣть вліяніе на животный организмъ малѣйшее отклоненіе планетнаго процесса отъ обыкновеннаго своего хода. Отклоненіе сие, если оно есть, должно обнаружиться въ явленіяхъ планетныхъ. Они теперь дѣйствительно болѣею частію необыкновенны. Не говорю о явленіяхъ на всей земной поверхности; остановлю вниманіе читателя на явленіяхъ, въ глазахъ нашихъ совершающихся. Ртуть въ барометрѣ, въ Октябрѣ и Ноябрѣ прошлаго 1830 года,

спояла необыкновенно высоко а), въ то время, когда погода продолжалась туманная, сырая, дождливая. Теперь въ исходѣ Іюня и началѣ Іюля барометръ показывается состояніе погоды правильнѣе; но за то въ атмосферѣ необыкновенный холодъ и мы другое лѣто почти не слышимъ грома. Если и былъ онъ слышимъ; то походилъ болѣе на гулъ зимней мятели. Показатели дѣятельности стихій земныхъ суть: съ одной стороны — воздушное электричество, съ другой — земной магнетизмъ. Ихъ суточное періодическое колебаніе извѣстно. Когда воздушное электричество достигаетъ высшей степени напряженности, что въ сутки бываетъ два раза: около 10 часовъ утра и 11 часовъ вечера; въ это время земной магнетизмъ ослабляется наиболѣе; и наоборотъ, когда электричество ослабляется до minimum, тогда земной магнетизмъ усиливается до maximum, что бываетъ также два раза въ сутки: около 4 часовъ утра и около 4 же часовъ вечера. Надобно замѣтить, что

(а) Тоже замѣчено Докторомъ И. Павловымъ въ провинціи Баку во время свирѣпствовавшей тамъ холеры. См. *Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ Медицины*, издаваемый А. Іовскимъ N. 4 1851.

заболѣваютъ холерою именно въ эпоху большой напряженности земнаго магнетизма; самыя болѣзненные явленія въ пораженныхъ уже холерою около сего времени усиливаются. Это замѣчено всеми изъ просвѣщеннѣйшихъ врачей Московскихъ. По сей одной современности пораженія холеры и ея ожесточенія (exacerbatio) съ наибольшею напряженностию земнаго магнетизма заключить можно, что холера состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ процессомъ планеты, а именно съ господствующимъ въ ней магнетизмомъ.

Скажутъ: если холера зависитъ отъ магнитнаго процесса планеты; то почемужъ она не вдругъ является на всей земной поверхности? О отвѣчаю: нѣтъ сомнѣнія, что землетрясенія состоятъ въ связи съ цѣлымъ земнымъ процессомъ; но всюду ли онѣ замѣчаются въ одно время и на всякомъ ли пунктѣ земной поверхности прорываются подземные огни со всеми своими ужасными спутниками?

Не разспрашивая болѣе въ доказательствѣ связи холеры съ земнымъ процессомъ; но не могу не сдѣлать слѣдующаго замѣчанія. Если земной процессъ, какимъ бы по ни было образомъ измѣненный, долженъ обнаруживать свое вліяніе на животный организмъ; то безъ

всякаго сомнѣнія долженъ подѣиспывать прямо на однородный съ нимъ процессъ, а именно: на расщипельный, а при этомъ при меньшей измѣненности долженъ подѣиспывать на расщипельный процессъ въ шлѣ человека, гдѣ процессъ сей слабѣе, нежели въ животныхъ и въ самыхъ расщипѣяхъ. Вліяніе сіе измѣненнаго земнаго процесса обнаружиться можетъ не вездѣ; тамъ, гдѣ обнаружилось, можетъ быть не въ одной степени; это должно зависѣть отъ качества края земли и другихъ обиспопоществъ. Извѣстно, что холера свирѣпствуетъ съ наибольшою жестокостию въ мѣстахъ многочислѣннѣйшихъ. Сообразно предложенному понятію о холерѣ, это должно зависѣть преимущественно отъ свойства воздуха, тамъ обыкновенно болѣе или менее постоянно худшаго, въ сравненіи съ воздухомъ въ поляхъ, на горахъ и и. д. А въ одномъ и томъ же мѣстѣ, следовательно при однихъ и тѣхъ же качествахъ воздуха должны поспрадать иѣ исключительно, копорые къ сему вліянію на ихъ расщипельный процессъ или были предрасположены, или въ нѣкое время разположились. Къ каковому разположенію можетъ быть поводомъ все, что разсирокраситъ систему пищанія, какъ-то: обремененіе желудка неудобоваримого пищею, просиуда, изнуреніе шлѣа, всѣ угнетающія спра-

сли (*animi pathemata deprimentia*) какъ-то, страхъ, уныніе, внезапныя сильныя огорченія и проч. Словомъ: холера по своему произхожденію, что показываетъ связь ея съ процессомъ планеты, есть эпидемія. Дѣлается ли она въ послѣдствіи заразительною? Рѣшеніе сего вопроса считая здѣсь излишнимъ.

Способъ леченія холеры изъ природы ея разкрывается самъ собою. Выше замѣчено: «съ наспувленіемъ весны, какъ скоро теплота атмосферы увеличивается значительно, соки опять корни поднимающіяся; листья разпускающіяся вновь и распительный процессъ возстановляется.» Вотъ указаніе природы въ леченіи холеры: влаги, усмремленныя къ кишечному каналу, къ сему корню распительной жизни, направивъ къ периферіи — и распительный процессъ, остановленный холерою, вновь установится; процессъ дыханія и кровенворенія примутъ обыкновенный ходъ и болѣзнь кончена. Лучшимъ средствомъ для возбужденія такой дѣятельности въ распительной системѣ живошняго плѣла есть возбужденіе къ жизни леденяющей въ холерѣ кожи; сему помогаютъ сильныя пренія, а болѣе теплота паровъ: паровыя ванны и обыкновенныя Русскія бани превосходятъ въ семъ случаѣ всѣ доселѣ извѣстныя пособія Медицины. Холерикъ, опшираемый или паримый

въ ваннѣ, а лучше въ банѣ, въ печеніе нѣсколькихъ минутъ получаешь разительное облегченіе. Скажешь: «бываютъ однакожь случаи и весьма нерѣдко, что ванны и самыя бани не спасаютъ холерика отъ смерти.» На сіе показаніе опытности отвѣчаю также опытомъ: птичка, посаженная подъ колоколь на тарелкѣ воздушнаго насоса, если изъ подъ онаго вытянуть воздухъ, умираетъ въ корчахъ. Что тутъ поражается въ тѣлѣ животномъ? Процессъ дыханія, а съ нимъ и кроветвореніе разстроиваются. Если мы впустимъ подъ колоколь воздухъ въ то мгновеніе, какъ только птичка обнаружитъ свое спаданіе, она оправляется совершенно; если же пропустимъ сіе мгновеніе нѣсколькими секундами, жизнь ея болѣе уже невозвратима. Такъ и въ холерѣ должна быть мѣра, до которой разстроенный разительный процессъ можетъ быть возстановленъ, а далѣе — его возстановленіе дѣлается совершенно невозможнымъ. Посему же не всегда можно холерикамъ подать сію помощь во время; но неудача леченія въ семъ случаѣ нисколько не опровергаетъ дѣйствительности средства, оказывающагося при другихъ условіяхъ рѣшительно полезнымъ. Сколько извѣстно случаевъ, что холерикъ, во время пользованній или паровою ванною или банею, въ нѣсколько минутъ до

того оправдывается, что не чувствуешь себя болѣе больнымъ. Такая скорая помощь въ болѣзни столь ужасной, умерщвляющей чело-вѣка въ нѣсколько часовъ, не ясно ли свидѣ-тельствуетъ о совершенной дѣйствитель-ности употребленнаго средства, и симъ вмѣстѣ не удостоверяешь ли въ его точной сообразности съ натурою болѣзни? Средства, употребляемые въ холерѣ, не сообразныя съ ея натурою, какъ-то: каломель, валеріана и другія, не оказываютъ такого спасительнаго дѣйствія и съ теченіемъ времени, не только въ первыя минушы ихъ употребленія. Скорую и рѣшительную помощь въ холерѣ испытывали въ Москвѣ исключительно опъ ваннъ и бань, или опъ теплоты паровъ. Самый успѣхъ сего леченія оправдываетъ предложенное мною опредѣленіе холеры. Кровопусканіе въ сей бо-лѣзни, иногда оказывающее пользу, не есть леченіе коренное; оно въ холерѣ помогаетъ не какъ противовоспалительное средство, а какъ средство, нѣсколько содѣйствующее об-ращенію крови, застаивающейся опъ ея сгу-щенія. Кромѣ кровопусканія, могутъ быть въ леченіи холеры употребляемы по усмотрѣнію врача и другія средства; но всѣ онѣ будутъ относиться не къ коренному леченію болѣз-ни, а къ леченію ея прищадковъ.

Природа проситъ въ своихъ средствахъ; врачъ

есть ея помощникъ; слѣдовательно успѣшное врачеваніе можетъ быть только то, въ которомъ онъ подражаетъ природѣ; а чтобы подражать природѣ, надобно знать ея средства.

Такъ важно изученіе природы — и въ отношеніи къ одной Медицинѣ а)!!..

М. Павловъ.

VI.

Н. И. ВЫЖИГИНЪ И РОСЛАВЛЕВЪ.

Нѣсколько замѣчаній.

Русская Литература, не смотря на свою юность, или правильнѣе, по причинѣ своей юности, испытала уже различныя измѣненія. Взлелеянная на чужой почвѣ, она слѣдовала попеременно литературамъ: Нѣмецкой, Французской, Англійской. Въ избраніи любимыхъ родовъ занятія она была не менѣе разнообразна: въ ея исторіи встрѣчаются періоды порожественныхъ

а) Изучающій природу называется *Натуралистомъ* или *Натуральнымъ Философомъ*. Нужно ли и теперь доказывать, что *Натуральная Философія* не призракъ? *Изд.*

одъ , героическихъ поэмъ , элегій , поэмъ романтическихъ ; теперь насупилъ , кажется , періодъ романовъ . Но будемъ справедливы : въ выборъ сихъ родовъ она не всегда руководствовалась духомъ подражательности ; напротивъ , какая-то внутренняя потребность заставляла часто нашихъ литераторовъ избирать для своей дѣятельности который нибудь изъ сихъ родовъ преимущественно предъ прочими ; и въ семъ предпочтеніи замѣчаемо было такое единодушіе , такая дружность усилій , что это не могло произойти отъ одной переимчивости , сколь она ни свойственна Русскому . Сіе предположеніе подтверждается одновременно появленіемъ нѣсколькихъ романовъ , авторы коихъ писали независимо другъ отъ друга , и—что называется—каждый про себя . Хотя сіе чисто домашнее обстоятельство не касается собственно Литературы , но оно важно въ ея исторіи и утѣшительно для тѣхъ , кои желали бы видѣть въ ней болѣе самостоятельности . Не говорю , чтобы примѣръ В. Скопина не подспрекнулъ нашихъ литераторовъ къ избранію того же поприща ; не говорю , чтобы успѣхъ двухъ Русскихъ романистовъ , произведеній коихъ упомянушы въ заглавіи сей статьи , не увлекъ вслѣдъ за ними нѣсколькихъ послѣдователей : но не смотря на это , въ семъ новомъ направленіи нашей литературы , я вижу болѣе самостоятельности , или , по крайней мѣрѣ , болѣе надеждъ на оную , чѣмъ прежде . Между романистами нашими нѣтъ , какъ бывало въ другихъ случаяхъ , одного главы и толпы его подражателей ; нѣтъ того огромнаго разстоянія , которое прежде раздѣляло перваго отъ послѣднихъ . Теперь болѣе равенства въ силахъ , и различіе только во времени : такой-то , могутъ сказать , не столько *лучшій* , какъ *первый* .

Да не подумаютъ однако, чтобы я хотѣлъ унижить самъ славу литераторовъ, сдѣлавшихъ у насъ извѣстными на поприщѣ романа; я утверждаю только, что до сихъ поръ между романистами нашими нѣтъ изавы, единогласно признаваго, и что попытки ихъ носить на себѣ оппечатоукъ той независимости опъ подражанія какому-либо отечественному наптрону, какую не всегда замѣчали мы прежде, въ періоды другихъ родовъ поэзіи.

При семъ опспустствіи самодержавія въ области романа, критика должна быть тѣмъ болѣе внимательна къ произведеніямъ сего рода. Здѣсь не одинъ вождь, на коемъ лежала бы опвѣстивенность за опшибки его подчиненныхъ; здѣсь федерція нѣсколькихъ спарыйшихъ, независимыхъ другъ опъ друга; изъ коихъ каждый спарается напн своимъ нулемъ, и оппичиться передъ прочими. Кто же изъ нихъ споптѣ дѣйснвительно выше другихъ; или если таланты ихъ равносильны, кто къ чему наиболее способенъ, и какое мѣсто долженъ занимать каждый, не пресупаа предѣловъ, назначенныхъ ему его средствами? Вотъ вопросы, на кои опвѣчать слѣдуетъ критикъ: обязанность трудная и щекотливая!

Я не принимаю на себя вполне этой обязанности; но починаю не излишнимъ дополнить своими замѣчаніями мнѣнія другихъ, предоставляя читателямъ вывести изъ моихъ оппмшоукъ, какое угодно заключеніе. Не беру на себя полного разбора; и ограничусь разсмотрѣніемъ двухъ произведеній двухъ различныхъ авторовъ, считающихся *первыми* Русскими романистами. Пусть другіе указываютъ на чистыя погрѣшности и красоты и разлагаютъ ихъ химически: я постараюсь сообщить лишь тѣ

мысли, кои были возбуждены во мнѣ чтеніемъ *П. Выжигина* и *Рославлева*.

Сіи два романа — послѣднія произведенія своихъ авторовъ — имѣютъ предметомъ одну и ту же эпоху нашей исторіи и сверхъ того вышли почти въ одно и тоже время. Извѣстность сочинителей, сходство содержанія, и даже одновременность появленія, достаточно оправдываютъ мое намѣреніе разсмотрѣть сіи романы, если не въ строгой параллели, по крайней мѣрѣ вмѣстѣ. Авось не обнаружится ли изъ сего сближенія какой нибудь результатъ, быть можетъ наставительный для послѣдователей и не бесполезный для самихъ авторовъ.

Отечественная война 1812-го года есть, по моему мнѣнію, предметъ весьма выгодный для романа. Сіе событіе такъ близко нашему сердцу, такъ памятно каждому, хотя по темнымъ воспоминаніямъ дѣтства, и припомъ столь уже отдаленно опѣ насмѣющаго поколѣнія, въ глазахъ коего остается уже не много изъ главныхъ участниковъ въ сей великой драмѣ, что человѣку съ талантомъ легко соединить хладнокровіе потомка-судіи съ одушевленнымъ участіемъ современника. Правда, въ историческомъ отношеніи, сія эпоха представляетъ еще много необъясненнаго; но для романа мы знаемъ ее достаточно, и романистъ можетъ употребить съ пользою самую неполноту свѣдѣній, забуческъ преданій, даже пѣвъ предубѣжденій, еще неразъясненныхъ строгой крѣпкой. Радуга избавленія, еще ослѣпляющая вѣнцемъ мученика справедливыи 12-й годъ, не позволяетъ намъ, правда, вглядываться съ точностію въ происшествія; но она набрасываетъ на оныя живописный свѣтъ, благоприятный для поэта, если не для историка. Сія-то, какъ кажется, причина пре-

имущественно побудила нѣсколькихъ писателей въ одно и тоже время обратить вниманіе на эту эпоху нашей исторіи и употребить оную для романа а). Тому могутъ быть и другія причины; но критика не обязывается входить въ оныя.

По времени появленія *И. Выжигина* предшесипустъ *Рославлеву* : посему и обратимся къ нему сначала.

Досель *Г. Булгаринъ* писалъ повѣсти и романы двухъ родовъ: такъ называемые нравственнo-санитарческіе и историческіе. Къ первому роду принадлежатъ, какъ извѣстно, *Иванъ Выжигинъ*; ко второму *Димитрій Салозванецъ*. Въ *И. Выжигинѣ* онъ соединилъ оба сін рода, соединилъ *Ив. Выжигина* съ *Салозванцемъ*, и, должно сознаться, исполнилъ сіе дѣло весьма неудачно. Сцены историческія, или вообще все, что относится къ войнѣ 1812-го года, такъ рѣзко отдѣляется онъ отъ остальнаго - *нравоописательнаго*, какъ масло отъ воды. Вездѣ видны вставки, и такъ сказать, заплаты изъ портиры *Салозванца* на вѣшкѣ рубницъ сироты - *Выжигина*. Даже второе названіе сего романа: *историческій*, есть въ полномъ смыслѣ придаточное. Сін вставка бросающіяся въ глаза при самомъ быломъ чтеніи. Кажется, будто читаешь два романа, между собою совершенно различныя, или снпныя другъ съ другомъ на живую нипку, безо всякой послѣдовательности и связи. Можно подуматъ, что авторъ вклеилъ происшествія 1812-го года, не прежде, какъ по окончаніи нравоописательной части романа,

(а) Кромѣ *ГГ. Булгарина* и *Загоскина*, *Г. Яковлевъ* представилъ также нѣкоторыя событія 1812 года въ своемъ *Удивительномъ Человѣкѣ*. Я молчу о семъ Романѣ.

или — на оборотъ — вставлялъ инпригу, написавъ сперва историческія сцены. Несомнѣнно прибѣгнешь къ сравненію, и скажешь, что во всемъ романъ *Петръ Выжигинъ* едва едва тащится позади Наполеона на пощей клячѣ. Сему разногласію и безсвязности, кромѣ недоснапка въ общемъ планѣ и въ правильномъ распределеніи частей, могла быть и другая причина: по моему мнѣнію, *Г Булгаринъ* имѣетъ талантъ пренумпественно къ сценамъ историческимъ и несклоненъ къ правоописательному роду. Онъ обладаетъ воображеніемъ, т. е. способностію передавать вѣрно и живо то, чего былъ *самъ* нѣкогда свидѣтелемъ, что изучалъ съ подробностію, словомъ, что коротко ему знакомо изъ чтенія или изъ опытовъ жизни. Но, скажемъ прямо: онъ не одаренъ фантазіей, тою творческой способностію, которая создаетъ характеры, даже приключенія, и придаетъ вымыслу не только правдоподобіе, но и дѣйствительность. Задайте ему сюжетъ историческій, происшествія бывалыя, лица существовавшія, но съ характеромъ опредѣленнымъ — (не какъ въ *Саломеи*, гдѣ романисту такъ много оснается дополнить и сообразить послѣ историка) — онъ исполнилъ сіе дѣло хорошо иногда даже мастерски; но ему уже не слѣдуетъ ни на волю отступать отъ исторіи. Малѣйшее уклоненіе заводило его въ шты несообразностей. То, что должно дышать жизнью, возбуждать къ себѣ участіе, завлекать возрастающимъ интересомъ, у него вяло, безцвѣтно, холодно, упоминательно. Ложная система правоученія еще болѣе увеличиваетъ сіи недостатки. Въ подтвержденіе мною сказаннаго, разсмотримъ историческія сцены новаго *Выжигина*, тѣ, въ которыхъ являлся Наполеонъ съ своей блестящей сви-

ною, съ своими Маршалами, съ своей главной квартирой; возьмите даже прибытіе Купузова въ армию, или картину Москвы до вступленія въ оную непріятеля: все это заманчиво, живо, естественное. Опъ чего? Опъ того, что онъ не опускаетъ опъ испорчи, вѣрно слѣдуетъ за своими вожатыми Сегюромъ, Шамбре, Гинкою, или, быть можетъ, за лучшимъ изъ вожатыхъ—своими воспоминаніями. Всю вѣрную половину III го тома можно по справедливости назвать великимъ оазисомъ въ пустынь этого романа. Но шагъ за оазисъ—и васъ останавливаетъ безплодіе: нигдѣ тѣни, чтобы принять упомянутого пуплика; нигдѣ источника, чтобы отвесити душу. Дѣйствующія лица становятся не естественными, и чтобы продолжитъ сравненіе—ходятъ на ходуляхъ, подобно жителямъ степей (Landes) во Франціи. Васъ встрѣчаютъ юнты героевъ великодушія (Адольфъ, Графиня Диврова, и пр.) или дюжины злодѣевъ и преслѣдниковъ всѣхъ родовъ, для которыхъ мало бы вымыслы, и которые, къ счастью рода человеческого, не существуютъ на свѣтѣ, ибо супъ такіа же безжизненные оживленности, какъ и образцы всѣхъ возможныхъ добродѣтелей.

И такъ, лучшая сторона произведеній *Г. Булгарина* есть та, гдѣ онъ останавливается въ предѣлахъ испорчи, или вообще—гдѣ описываетъ съ напуры предмены, хорошо ему извѣстныя. Такимъ образомъ ему удастся нѣкоторыя народныя сцены, особливо, гдѣ онъ представляетъ намъ Поляковъ на ихъ сеймахъ, Шляхту на ея сборищахъ (какъ въ *Д. Самозванцѣ*), или какого нибудь чваннаго, воинственнаго Ромбалинскаго въ его домашнемъ быту, посреди многочисленной прислуги и сосѣдей; даже гдѣ

выводить на сцену Польскихъ Жидовъ, сколь ни отвратительны эти предмѣты, если изображать его во всей наготѣ ихъ нравовъ; наконецъ, гдѣ подслушивается разговоръ Французскихъ солдатъ, гдѣ описывается сраженіе, биваки, лагерную жизнь — словомъ, гдѣ авторъ, *дома*, въ своей сферѣ. Но пусть удерживается онъ посягать на предмѣты, мало ему извѣстные, знакомые лишь по наслышкѣ; ибо всякой разъ, какъ онъ выходитъ изъ волшебнаго круга, очерченнаго вокругъ каждаго изъ насъ опытностію собственной нашей жизни, онъ платитъ дорого за свою неблагоразумную смѣлость.

Въ заключеніе къ сказанному о романѣ *Г. Булгарина*, я осмѣливаюсь представить на его разсмотрѣніе искренній, доброжелательный совѣтъ, который, впрочемъ, будетъ тогда лишь кспайни, когда авторъ *двухъ Въжигинскихъ* и *Самозванца* не устоитъ въ обѣщаніи встрѣчаться отнынѣ съ своими читателями только въ *Сѣв. Пчелѣ* и *Сынѣ Отечества*. Сей совѣтъ, или правильнѣе, сіе желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ онъ употребилъ свой повѣствовательный талантъ не на описаніе такъ называемыхъ нравовъ, не на полуписторическіе и полу-вымышленные романы, но на *историческія сцены*, въ родѣ новѣйшихъ Французскихъ. Пора ему покинуть свою странную систему исправленія нравовъ: ибо кого исправятъ устарѣлыя выходки и ничего недоказывающіе возгласы противъ развращенія вѣка, противъ нашего *французолобія*, противъ судей, женъ и дочекъ? Пора ему увѣриться, что онъ не рожденъ съ даромъ изобрѣщенія и что все его вымыслы неудачны. Пора, наконецъ, сознать свои силы, и послѣ 24 томныхъ опытовъ въ правоописательномъ и правоучительномъ родѣ, припаяться за то, къ чему,

если не ошибаюсь, Богъ одарилъ его способностію — за число *историческія сцены*.

Напрасно думаютъ многіе — (и самъ Вите, авторъ извѣстной прилогіи изъ временъ Лиги) — что сей родъ есть ложный. Это даже исторія, только не въ разсказѣ, а въ дѣйствіи; и если не принадлежить ни къ которому изъ родовъ поэзіи собственно, то изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы это было что-то среднее между ею и исторіей. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что *les Scènes Historiques* пребываютъ руки художнической; ибо сама исторія есть искусство и притомъ весьма важное.

— Но если такъ, то можно ли совѣтовать Г. Булгарину упражняться въ столь трудномъ родѣ? спросить мнѣ его противники.

Правда, попытка не шулка; но и спросъ не бѣда. Почему же не сказать откровенно, къ чему именно я нахожу способнымъ Г. Булгарина? И если судьбой непременно назначено ему писать; то не лучше ли писать въ томъ родѣ, въ которомъ полнѣе обнаруживается талантъ его? Впрочемъ, я говорю здѣсь не столько о формѣ, которую бы онъ долженъ избрать для своихъ произведеній, какъ о содержаніи оныхъ. Не говорю, чтобы онъ драматизировалъ исторію, по примѣру Вите; ибо, кажешся, Г. Булгаринъ перождетъ быть драматикомъ; но желалъ бы, чтобы онъ избѣгалъ вымысловъ, и придерживался ближе исторіи, избирая такіа происшествія, кои совершенно объяснены оною, и такіа лица, коихъ характеры ею вполне разгаданы. Но что говорить?.. Пусть попробуетъ — и тогда увидимъ; а я, между тѣмъ, останусь при своемъ желаніи, быть можетъ, и безъ надежды на выслушаніе; ибо кино изъ насъ охотно слѣдуетъ чужимъ совѣтамъ, сколь бы они ни были искренни!..

Обратимся теперь къ *Рославлеву*. Авторъ сего романа, назначеннаго служить какъ бы дополненіемъ къ *Юрію Милославскому*, имѣлъ намѣреніе представить Русскій народъ въ послѣднюю изъ достопамятныхъ эпохъ нашей исторіи, и показать измѣненія, происшедшія въ его нравахъ, характеръ и образованности, со времени освобожденія Россіи отъ Польковъ.

Здѣсь критика предлагаетъ нѣсколько вопросовъ: можетъ ли народъ быть героемъ романа; какимъ образомъ слѣдуетъ художнику изображать оный; наконецъ, выполнитъ ли авторъ требованія искусства, и сколько оспался вѣренъ своей собственной мысли?

Повторяю, что и въ семъ случаѣ я не беру на себя рѣшить окончательно сіи вопросы: мнѣ хочется представить на судъ читателей лишь нѣсколько отдѣльных замѣчаній.

Каждый романъ можно назвать *историческимъ*; ибо въ немъ люди и происшествія, какъ бы произвольно изображены ни были, или, по крайней мѣрѣ, самъ авторъ, если онъ придаетъ своимъ лицамъ собственныя чувствованія, понятія, поведенія, вѣрнѣе принадлежать какому нибудь времени. Но точно такъ же каждый романъ можно назвать и географическимъ или этнографическимъ; ибо сіи люди дѣйствовали въ извѣстной странѣ, посреди какого нибудь народа. И такъ названіе: *историческій*, придаваемое въ наше время нѣкоторымъ романамъ, произвольно, или по крайней мѣрѣ равно прилично всемъ родамъ.

Но не будемъ гоняться за словами, и поговоримъ о дѣлѣ. Родъ, созданный Вальтер-Скоттомъ, существенно отличаетъ отъ всѣхъ прочихъ, и даже отъ прежнихъ историческихъ, съ коими имѣетъ общаго

одно лишь названіе. Но чѣмъ же именно онъ отличает-
ся? Тѣмъ, что въ немъ изображаются люди не только
съ чертами, общими всѣмъ людямъ, и по которымъ мы всѣ
братья и сограждане, но въ особенностяхъ съ нѣми,
которыя принадлежатъ извѣстному народу и времени.
Другими словами: въ *историческомъ* романѣ Вальшер-
Скоппа представляются люди, какъ члены *народа*,
взятаго въ извѣстную эпоху, а не какъ небывалые
космополиты, или страсти и идеи въ лицахъ.

Вырочетъ и до Вальшер-Скоппа были романы, кои
приближались къ *историческому* роду въ смыслъ сво-
ею народностію. Таковъ напр. Донъ Кихотъ. Неговорю
уже о драматическихъ хроникахъ Шекспира, служив-
шихъ образцами Шотландскому романисту. Отъ
чего, однако, никто не назоветъ Донъ Кихота исто-
рическимъ романомъ? Въ общепринятыхъ же назва-
ніяхъ вещамъ болѣе смысла и истины, чѣмъ обыкно-
венно полагаютъ. Значитъ въ швореніи Сервантеса
не выполнены всѣ условія историческаго романа, какъ
мы оный теперь разумѣемъ? Чего жъ именно въ немъ
не достаетъ? Народа. Хотя въ Донъ-Кихотѣ пред-
ставлены похождения коренныхъ Испанцевъ, въ
жилахъ коихъ нѣтъ ни капли Мавританской крови, а въ
характерѣ ни на волосъ оплеченнаго, пропивнаго физи-
ономіи вѣка и страны; но эпо— похождения частныхъ
лицъ, коихъ судьбы не связаны съ судьбами народа. Сей
послѣдній, какъ правдивое лицо, имѣетъ свои соб-
ственныя похождения, кои суть дѣянія народныя, другими
словами—происшествія.

И такъ вотъ предметъ для историческаго романа!
Эпопея *рассказываетъ* происшествія; драма *представляетъ*
въ лицахъ дѣянія героевъ, то, что, какъ бы, всплываеиъ
надъ происшествіями; романъ, и притомъ швейцарскаго

исторический, заставляющъ народъ, въ лицѣ нѣсколькихъ его членовъ, представителей толпы, дѣйствовать посреди сихъ самыхъ происшествій, но подѣ всесильнымъ вліяніемъ оныхъ. Однимъ словомъ: это *драма въ эпопею*. Вотъ высокое назначеніе историческаго романа! Въ эпопею, герои только представляютъ народъ: они его орудіе и исполнители; въ драмѣ, герои выступаютъ изъ среды оного, суть самодержавные вожди его; въ романѣ *историческомъ* — народъ есть все — (разумѣется не оплеченно избитый, какъ увидимъ ниже) — самые герои становятся лишь согражданами, болѣе или менѣе возвышающимися надъ толпою, но не управляющими ею. Если сравнимъ сѣмъ роды поэзіи съ исторіей, изъ коей они заимствуютъ содержаніе: то найдемъ, что эпопея соотвѣтствуетъ исторіи народа въ его правителяхъ, государяхъ; драма — біографіи великихъ людей; романъ — той же исторіи народа, но какою мы нынѣ ее понимаемъ, въ которой представляются не одни государи, не одни вожди, не одні войны и перемирія, но гдѣ народъ идетъ врознь съ своими представителями, гдѣ онъ увлекается вмѣстѣ съ ними и ихъ увлекаетъ за собою въ свою очередь.

Тѣ, впрочемъ, очень ошибаются, которые исторію смѣшиваютъ съ *историческими романами*. Происшедшая отъ сего смѣшенія романизированная исторія, если можно такъ выразиться, не есть собственно ни романъ, ни исторія. Тому видѣли мы печальный примѣръ надъ самимъ Вальтер-Скоттомъ. Онъ, безъ всякаго сомнѣнія, породилъ во Франціи новую школу историковъ художниковъ; самъ же оспался въ сѣмъ отношеніи далеко позади своихъ пиюмцевъ. Но еще большее вниманіе критики заслуживаетъ особенный

родъ, или правильнѣе—выродокъ историческихъ романовъ: эпо—романы à la *Димитрій Салозванецъ*, коему впрочемъ я не приписываю чести первенства. Сими полу-исторіями изобилуютъ иносстранныя Литературы, особенно Французская, обогатившаяся оными еще гораздо до Вальпер-Скоттша. Говоря о *Петрѣ Выжигинѣ*, я уже замѣшилъ отчасти несообразности сего рода. Не укоряю въ оныхъ драматической исторіи или такъ называемыхъ историческихъ сценъ, даже совѣтую нашимъ литераторамъ упражняться въ сего родъ а); но починаю обязанностию остановить ихъ вниманіе на погрѣшностяхъ исторій-романовъ, ибо сіи погрѣшности встрѣчаются довольно часто

а) Въ прошедшемъ году Г. нѣ Словцовъ издалъ нѣчто въ родъ Историческихъ Сценъ подъ названіемъ: *два дня изъ Римской Исторіи, или двое Сципіоновъ Африканскихъ*. Историческія событія представлены здѣсь не въ дѣйствіи, а въ видѣ воспоминаній и разсужденій объ оныхъ. Сіе сочиненіе формой своею напоминаетъ *разговоръ въ цѣрствѣ мертвыхъ*, на которые была нѣкогда большая мода. Не смотря однако на существенныя недоспадки въ изложеніи, въ слогѣ и даже въ способѣ возрѣнія на исторію, нельзя не пожалѣть, что оно было напечатано въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, и не поступило въ продажу. Какъ бы ни было, апо есть пріятное явленіе въ нашей литературѣ, и въ полной мѣрѣ заслуживаетъ быть упомянутымъ.

Говоря о семъ сочиненіи, я починаю не излишнимъ, хотя и не относящимся къ моему предмету, обратити вниманіе читателей на слѣдующее извѣстіе, помѣщенное авторомъ въ одномъ изъ примѣчаній: «Въ 1828 году, говоритъ онъ, я встрѣтился въ Екашеринбургѣ съ Вл. Дм. Соломирскимъ, который учился наблюдать человека,

въ наше время, когда еще не обозначены съ шѣпно-ностію границы между исторіей и романомъ, когда еще не совсѣмъ опредѣлено значеніе сего послѣдняго.

— «Романъ не естъ исторія», замѣчаетъ самъ авторъ *Рославлева*. Но въ чемъ же ихъ различіе? Въ томъ, что исторія представляетъ происшествія въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ *были*; романъ же — въ какомъ онѣ *быть могли*. Исторія живетъ дѣйствительностію; ея душа — истина положительная: романъ живетъ вымысломъ, но — вымысломъ, не только не противорѣчащимъ истинѣ положительной, а какъ бы дополняющимъ оную. Романистъ изображаетъ ту сторону народной жизни, которая, по своему многообразію и подвижности, а равно и по недоспапкѣ въ документахъ, ускользаетъ отъ дѣписателя. За то сей пользуется въ свою очередь поэтическими архивами романистовъ, конхъ указанія иногда важнѣе для него свидѣтельства лѣтописей.

Но памъ, гдѣ вымысль преобладаетъ надъ положительной истиной, нипересъ долженъ быть сосредоточенъ въ первомъ. Герой романа, около котораго группировались бы массы народа и съ судьбами коего были бы связаны происшествія, долженъ быть лицомъ вымышленнымъ. Вѣрный назначенію романа, поэтъ не можетъ избирать героями онаго людей знаме-

не по одному Камперову углу. Сей примѣчательный молодой наблюдатель, надѣясь породнить физиономику Лафатера съ черепословіемъ Галля, спарается опредѣлить склоненія другихъ линій на поверхности головнаго черепа, и по дарованіямъ своимъ общаетъ успѣхи въ Физической отрасли нравственныхъ наукъ.» *Пр. Соч.*

ниныхъ, лица историческія, какъ сіе сдѣлалъ Г. Була-ринъ въ *Самозванцѣ*. Кромѣ того, чію интересъ приключеній оперяетъ память, гдѣ напередъ знаешь изъ исторіи, чюдъ герой будетъ дѣлать, и какъ дѣйствовать — (а заманчивость приключеній есть одно изъ главныхъ условій романа) — назначеніе сего рода поэзи, какъ уже замѣчено, сослонишь именно въ томъ, чіюбъ представляли не столько жизнь отдѣльныхъ лицъ и тѣмъ менѣе великіе характеры, кои всегда ошлчаются рѣзкою особностію, какъ жизнь народную. По сей-то причинѣ герои романа бывають большею частію существа сирадапельныя, съ характеромъ уклончивымъ, и въ томъ возрастѣ, когда чловѣкъ еще не созрѣлъ духомъ, еще не получилъ осядлости ни въ желаніяхъ, ни въ наклонностяхъ, когда онъ просно-выпрентъ. Романистъ пускаетъ ихъ въ океанъ жизни, на произволъ судьбы; и они, безъ опытности, безъ пвердой цѣли, становаются ся игралицемъ, верпяшся въ вихрь свѣта, пока узы любви или удары рока не прикуютъ ихъ къ одному мѣсту. Это есть горькое, но, кажешся, неизбежное условіе романа; и шѣмъ осторожнѣе и искуснѣе долженъ поэтъ поступать съ своими героями. Они сунъ камнѣ преткновенія для многихъ; умѣшь возбудишь законное участіе къ людямъ, интереснымъ лишь по своей неопытности и молодости, есть дѣло не маловажное.

Но какъ бы ни было, интересъ долженъ быть сосредоточенъ въ героя и въ интригу. Только въ связи съ шѣмъ и другимъ должны занимать насъ и послонроннія происшествія и самый народъ, сколь ни важную роль онъ назначенъ играть въ историческомъ романѣ; иначе, нѣтъ единства интереса, нѣтъ цѣлостности.

Перенести же весь интересъ въ народъ, и сдѣлать народъ героемъ романа въ строгомъ смыслѣ, не должно и не возможно; ибо народъ, взятый въ совокупности, хотябы самый оригинальный, каковы на пр. Греки, все есть лице ошвлеченное; а что ошвлеченно, то само по себѣ не можетъ возбуждать участія. Представьте же мнѣ картину несчастій, или, нравы, бытъ не всего народа—(ибо это неисполнимо)—но изъ сколькихъ частныхъ лицъ, принадлежащихъ оному, и съ вѣрностію выражающихъ общій характеръ, народную любовь или ненависть, подверженныхъ общимъ бѣдствиямъ или переворошамъ; и посреди сей группы частныхъ лицъ, поставьте своего героя, который возвышался бы надъ нею извѣстной выпуклостію характера: тогда участіе сосредоточится, ибо не будетъ обращено на ошвлеченность; тогда будетъ и инприга, которую въ историческомъ романѣ можно назвать судьбами народа въ сокращеніи, безпредѣльной картиной въ пѣсней рамѣ.

Есть случаи, когда поэты умѣютъ возбудить участіе и къ народу изображеніемъ не только нѣкоторыхъ членовъ онаго, но цѣлой толпы подъ бременемъ общаго несчастія. Такъ въ Вильгельмѣ Телѣ Шиллера. Однако, на самомъ ли народѣ оспановленъ интересъ сей піэсы? Да и могъ ли народъ быть собственнымъ своимъ избавителемъ, героемъ, и слѣдственно представленъ лицомъ дѣйствующимъ, рѣшающимъ участь свою массою, безъ посторонняго или высшаго содѣйствія?—Въ піэсѣ Шиллера толпа не на первомъ планѣ; за нею не забываешь героя. Напропавъ, бѣдствіе народа еще болѣе выказываетъ важность услуги Теля; медлительность въ совѣщаніяхъ народныхъ, еще болѣе

великость замысла и рѣшимость того, который *одинъ исполнилъ*, чего *хотѣла вся нація*.

И такъ—если народъ не можетъ возбудить къ себѣ одному всего участія и еще менѣе до конца подержать оное, то поэтъ долженъ поступать весьма оспорожно, выводя его на сцену. Онъ не долженъ заглушать массою интересъ, не на ней сосредоточенный. Иначе, интересъ разрушенъ и не остановленъ ни на комъ.

Примѣръ сему мы, съ сожалѣніемъ, видимъ въ *Рославлевѣ*. Авторъ онаго избралъ какъ-бы два героя: одного главнаго—народъ; другаго побочнаго—лице, къ коему прикрѣплена интрига. Какъ въ *П. Выжигинѣ* интересъ разрывается между исторіей и вымысломъ, такъ здѣсь онъ раздѣленъ между народомъ и несчастною челою. Что же вышло? То, что должно было выйти: насъ не привязываетъ къ себѣ ни то, ни другое. Уже въ *Юріѣ Милославскомъ* замѣтны слѣдствія сей эстетически ошибочной мысли. Если бы авторъ онаго послѣдовалъ Шиллеру въ упомянутой драмѣ, пробудилъ въ насъ съ самаго начала глубокое участіе къ Русскому народу, обремененному двойнымъ бѣдствіемъ междуусобія и непріятельскаго нашествія, дабы пѣтъ разншелнѣе выспавишъ великость святаго подвига, свершеннаго Мининымъ, Пожарскимъ, Палицынымъ: тогда бы, по крайней мѣрѣ, мы имѣли прекрасную историческую картинну; или если бы посреди сего бѣдствія, представилъ онъ намъ своего героя, какъ искупительную жертву, какъ пламеннаго соучастника послѣдней борьбы побѣжденныхъ съ побѣдителями и на немъ одномъ, или на другомъ какомъ либо лицѣ, сосредоточилъ весь интересъ романа: тогда

бы мы имѣли прекрасный историческій романъ, не уступающій лучшимъ Вальтер-Скоттовымъ. Но онъ начерпалъ намъ нѣсколько мастерскихъ картинъ народнаго быта, нѣсколько комическихъ или прогашельныхъ сценъ, прекрасныхъ опдѣльно, но безпреспашно отвлекающихъ наше вниманіе отъ главнаго, заславляющихъ чинашеля забывать и о погдашнихъ бѣднвѣяхъ Россіи и о самомъ героѣ. Вышелъ романъ, прекрасный въ частяхъ, но неудачный въ цѣломъ.

Въ *Рославлевѣ* сн недостатки еще ощутительнѣе. Въ *Юріѣ*, по крайней мѣрѣ, насъ привлекаетъ мѣстами интрига, подъ конецъ неожиданно и оригинально распуываемая. Въ *Рославлевѣ* и того нѣтъ. Въ концѣ перваго тома уже предугадываешь развязку; со впо-рымъ она оканчивается: ничто не заманиваетъ впередъ, ибо знаешь заранее, что случится. Остальные же два тома супъ только амплификаціи первыхъ. Ни приключенія героя, ни происшествія, ни судьбы народа, не возбуждаютъ сильнаго участія. *Рославлевъ* походитъ на картинную галерею Фламандской школы: здѣсь видишь ввупренность таверны, тамъ псовую охоту, здѣсь бивву, тамъ портретъ, время отъ времени мелькають очерки историческихъ картинъ, или великая церковь въ бурную ночь, или городъ, объявннй пламенемъ. Даромъ, что останавливаешься почти предъ каждой картиной, любишься ею — все равно; однако осмопрѣнь ли эпугалерею по порядку или какъ попало, начать ли свое обозрѣніе съ одного или другаго конца или въ серединѣ. Прочитавъ одну сцену, рѣдко захочешь перейти пошчасъ къ слѣдующей, и пожалѣешь невольну, что въ семь романѣ, какъ и въ болшей часнн нашихъ Русскихъ, ни сколько не достигнуша майна бынн заманиваемъ: даже кажется, будно и не

подозрѣвали необходимости держаться весьма простаго правила, основаннаго, если хотѣли, на одномъ расчетѣ: а именно, чтобы впорой томъ былъ занимательнѣе перваго, третій втораго, и такъ далѣе.

—Однако Рославлевъ правится,« скажутъ многочисленные его читатели. »И мнѣ самому онъ правится,« повпору я за ними. Чшо же занимаетъ въ немъ?

Конечно не инприга, не историческія происшествія, не судьба народа. Чшо же?

— Карпина нравовъ!—

Здѣсь совершенно измѣняея почка, съ коей, по моему, должно смотрѣть на Рославлева.

Было время, когда, въ слѣдствіе рыцарскихъ нравовъ, романъ былъ сборомъ *похожденій*, болѣе или менѣе интересныхъ, расположенныхъ съ большимъ или меньшимъ искусствомъ и возрастающею занимательностію, но безъ единства инприги. Таковы рыцарскіе романы Испанцевъ, преобразившіеся потомъ въ романы *похожденій*. Таковъ безмерный Донъ Кихотъ; таковъ и Жилблазъ, сколокъ съ Испанскихъ романовъ, хотя въ немъ приключенія ни сколько не рыцарскія. Но въ Донъ-Кихотъ *похожденія* занимаютъ не столько самъ по себѣ, сколько по отношенію своему къ герою: въ *немъ* принимаешь главное участіе; *его* любишь, *его* жалѣешь, *ему* подъ часть удивляешься, желаешь поскорѣе узнать, чѣмъ кончится *его* сумасбродство. Въ Жилблазѣ интересъ другаго рода: здѣсь занимаетъ прогрессивная картина общества, начинающая отъ низшаго сословія до высшаго; здѣсь занимаетъ даже герой, вѣрный себѣ во всѣхъ превращеніяхъ жизни и смѣло шагающій по огромной лѣстницѣ свѣта съ одной ступени на другую. Когда обратимся къ *Рославлеву*, то въ немъ, правда, не найдемъ возрастающаго инте-

реса ни въ развитіи характера главнаго лица, ни въ похожденіяхъ; но есль отдѣльныя досповиства, кон напоминають о родѣ, въ коемъ написаны *Донъ Кихотъ* и *Жилблазъ*. Онъ также склеенъ изъ похожденій, хопя не связанныхъ одной нитью, не заманчивыхъ, но отдѣльно занимательныхъ; онъ также представляетъ общество въ различныхъ его сословіяхъ, и хопя безъ сравненія съ *Жилблазомъ*, но предсавляетъ игриво, съ живостію, иногда въ преувеличенномъ видѣ, но- большею частію вѣрно. Въ семъ романѣ чипатель объѣзжаетъ мысленно Россію, заглядываетъ въ избу крестьянина, въ домъ купца, въ хоромы степнаго помѣщика; пируетъ съ офицерами на бивакахъ, смѣсся съ опшавшимъ салдапомъ надъ Лапинскими пословицами семинариста, подслушиваетъ съ Рославлевымъ разговоръ ямщиковъ, участвуетъ съ Парпизономъ—Поэпомъ въ его лихихъ наѣздахъ; словомъ, живетъ между Русскими, дышетъ Русскимъ воздухомъ и въ этомъ зеркалѣ нравовъ видитъ ему близкое, почерпнутое изъ его собственныхъ привычекъ, быта. Не ищите глубины въ сихъ изображеніяхъ, но всматривайтесь въ легкіе очерки народной фizioноміи, какъ опразились они въ свѣтлой душѣ писателя, и переда ны имъ непринужденною, вѣрною кистію. Не смѣялись ли вы подъ часъ опъ всего сердца, при его расказѣ? Не случалось ли вамъ иногда призадуматься и опустить голову на ладонь руки?.. Благодаритежь автора за пріятныя минуты, проведенныя за его романомъ; и сознайтесь, что если онъ не всегда умѣетъ опшавить въ чипатель глубокаго, продолжительнаго впечатлѣнія, то по крайній мѣръ пишетъ опъ избытка Русской души, согрѣваетъ расказъ теплою Рус-

скаго сердца, оживляешь Русской веселостію. *Рославлевъ* писать Русскимъ и для Русскихъ.

Послѣ этого я забываю о его недоспапкахъ и не разбираю вопроса: достигъ ли авторъ *своей* цѣли, успѣлъ ли показать, на сколько именно мы подвинулись впередъ въ продолженіе двухъ столѣтій, со времени освобожденія Россіи отъ Поляковъ? Здѣсь оканчивается разборъ мой. Я надѣюсь, что авторы *П. Выжигина и Рославлева* не примутъ на дурную счетъ моихъ замѣчаній, переданныхъ съ искренности, безъ лицепріятія и съ готовностію согласиться на противное со мною мнѣніе, если къ оному приодинены будутъ убѣдительныя доказательства. Говорю безъ лицепріятія; ибо оно не извѣстно мнѣ уже и потому, что я не имѣю чести принадлежать ни къ сословію *записныхъ* либераторовъ, ни къ одной изъ партій, раздражающихъ нашу бѣдную Словесность. а)

М.

а) Тамъ съ большимъ удовольствіемъ помѣщаемъ мы здѣсь сіи замѣчанія, хотя и не со всѣмъ съ ними согласны. Собственное наше мнѣніе о *Петрѣ Выжигинѣ* извѣстно, а о *Рославлевѣ* будетъ помѣщено въ одной изъ ближайшихъ книжекъ *Телескопа*. Изд.

VII

БИБЛИОГРАФІЯ.

—ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ. *Часть III. С. П. Б. въ тип. Имп. Рос. Академіи*, 1831. — Существенное занятіе сословія, извѣстнаго у насъ подъ именемъ *Россійской Академіи*, должна составлять разработка отечественнаго слова. Ты весьма ошибаешься, кои хощають видѣть въ Академіи бюрократическую языку и попому ожидають и истребуютъ отъ ней попечительнаго призора за образованіемъ современной литературы. Языкъ живой не терпитъ подобнаго надзираательства: онъ развивается самъ собой, свободно, какъ мысль, и непринужденно, какъ природа. Вся усилія—задержать его въ опредѣленныхъ стереотипныхъ формахъ и подчинить одному неуклонному направленію—также бесполезны, какъ усилія спѣшить вольное теченіе широкой рѣки искусственными плотинами, кои рано или поздно должны бывать уступить напору волнъ ея. Доказательствомъ тому служатъ нынѣшнее состояніе Французской Словесности, которая, послѣ вѣковаго порабоженія, прорвала наконецъ оплоты, коими окопала ее рачительность *сорокоулинаго* ареопага. И такъ Академіи должно принадлежать совершенно другое назначеніе—не водить на помочахъ современную словесность, а—разрабатывать и очищать матеріалы для ея употребленія. Назначеніе весьма важное, пребывающее великихъ трудовъ и обширныхъ средствъ, особенно при нынѣшнемъ состояніи языкоислѣдованія!

Съ сей точки зрѣнія, не лзя не отдать должной справедливости *собраніямъ языковъ и нарѣчій съ при-*

мѣнаніями на опылъ, коихъ продолженіемъ начинае-
 ся, разсматриваемая нами, *третья часть Повремен-*
наго Изданія Россійской Академіи. Трудъ сей вполне
 соотвѣтствуетъ назначенію Академіи. Ибо—съ тѣхъ
 поръ, какъ въ слѣдствіе современнаго просвѣщенія
 идей, слово человѣческое получило истинное свое зна-
 ченіе и разсматривается уже не какъ случайное соѣ-
 леніе произвольныхъ звуковъ, а какъ спройное эхо
 внищенной человѣческой жизни—съ тѣхъ поръ разра-
 ботка каждаго изъ отдѣльныхъ нарѣчій, на копорыя
 раздробилось оно въ устахъ различныхъ народовъ,
 естесвенно должна начинаться возстановленіемъ его
 въ родственныхъ связяхъ со всѣми прочими и введе-
 ніемъ въ ихъ общее семейное единство. Въ настоя-
 щемъ *продолженіи* разобрано и сравнено *шесть* словъ
 изъ самыхъ первоуродныхъ въ устахъ человѣческихъ,
 и именно: *сынъ, дочь, братъ, сестра, мужъ и человекъ*.
 Сходство звуковъ, изъ коихъ образованы слова сін
 въ различныхъ нарѣчіяхъ различныхъ языковъ, опдѣ-
 ленныхъ другъ отъ друга и проспранствомъ и вре-
 менемъ, поразительно! Его одного уже достаточно,
 чтобы понять основное единство слова человѣчес-
 каго и удостовѣриться въ возможности Всеобщей
 Грамматики, основанной не на умозрѣніяхъ, кои мож-
 но подозрѣвать въ мечпательности, а на положи-
 тельныхъ фактахъ, за достовѣрность коихъ ручает-
 ся живыи опытъ. А сія Всеобщая Грамматика, одна
 только, можетъ сообщить грамматическому изученію
 каждаго отдѣльнаго языка—и математическую пол-
 ноту и аподиклическую непреложность!..

О прочихъ спашьяхъ, помѣщенныхъ въ *третьей*
части Повременнаго Изданія, нельзя сказать тогоже.
 Онѣ слишкомъ мало соотвѣтствуютъ назначенію

Телеск. Ч. III.

25

Академіи. *Осада Пскова Польскими Королями Стефаномъ Баторіемъ*—считается важная и любопытная, но не для отечественнаго языкознанія, а для отечественной исторіи. *Выписка изъ Римской Исторіи Тита Ливіа*—переводъ исправный, но не образцовый. Остальное состоить въ *рецензіяхъ* различныхъ *Нѣмецкихъ Журналовъ* на сочиненія, издаваемыя Академіею подъ именемъ *Извѣстій Россійской Академіи*. Изъ нихъ одна только, выписанная изъ *Allgemeine Literatur Zeitung* заслуживаетъ вниманіе. Прочія совершенно ничтожны: особенно рецензія Меркеля, замѣшпанная изъ *Literarischer Begleiter des Provinzialblattes*, коей переводъ и внесеніе въ *Изданіе Академіи* могутъ бытъ извинены развѣ только тѣмъ, что рецензія сія подаде поводъ къ *отвѣтному письму* Г. Президента Академіи, помѣщенному также въ *третьей части Изда- нія*, гдѣ находились довольно любопытныхъ филологическихъ замѣчаній.

Желательно, чтобы сіе знаменитое сословіе, коего юность ознаменована была трудами полезными и славными, продолжало разрабатывать неиспощимый рудникъ отечественнаго слова, сообразно современнымъ требованіямъ, объ руку съ просвѣщенною Европою. Это имѣло бы великія слѣдствія не только для насъ и для нашей словесности, но вообще для просвѣщенія. Могучая Русская рѣчь занимаетъ важное мѣсто въ великой гаммѣ слова человѣческаго, точно такъ какъ мощный народъ, коего она эхо, въ великомъ семействѣ человѣческаго рода. Въ ней роскошная полнопа воспока закалена въ стальную съверную упругость, гибкую безъ ломкости, звучную безъ прескопости, яркую безъ жгучести. Разгадать

ея природу и смыслъ значило бы пополнить важнымъ фактомъ исторію человечества!..

—удивительный человекъ! *Соч. П. Л. Яковлева, въ 5 частяхъ. Москва, въ Универ. Типографіи, 1831.—* Удивительными называюся у насъ пѣ, кои возбуждаютъ удивленіе: но, прочитавъ *Удивительнаго Человека*, можно подивиться развѣ только тому, что въ немъ совершенно нечему дивиться!..

Намѣреніе сочинителя, очевидно, клонилось къ тому, чтобы представить юмористически оригиналь *Статскаго Советника*, повсюдующійся вокругъ насъ въ безчисленныхъ оплюмаженныхъ видахъ. Оно имъ отчасти и достигнуто. *Максимъ Степановичъ Удивленцевъ*, герой повѣствованія, настоящій *Статскій Советникъ*, во всей формѣ и въ полномъ нарядѣ! Глядя на него, не лзя не любоваться: но онъ ни сколько не *удивителенъ*. Его странности и причуды часто заставляютъ усмѣхнуться отъ души, иногда пожалѣть отъ сердца, но никогда не заставляютъ не только ахнуть, даже покачать головой отъ *удивленія*. Однимъ словомъ—это не оригинальный чудакъ, какого хотѣлось представить сочинителю и желалось бы видѣть читателямъ, а гротескъ—иногда болѣе, иногда менѣе—уродливый: его жизнь—не юмористическая картина, а продолжительная каррикашура!..

Это, конечно, не опшимаесть у сочиненія достоинства и не лишаесть его правъ на вниманіе. Хорошо опдѣланная каррикашура имѣесть свою цѣну и, въ художественномъ отношеніи, совсемъ не бездѣлица. Но ея существенное и необходимое условіе есть крайность. Перевертывая слишкомъ долго одинъ и тотже гротескъ передъ зазваннымъ любопыт-

спивомъ, не дѣля наконецъ не-надоѣсть ему. Душа скоро пресыщается смѣхомъ; за пресыщеніемъ слѣдуетъ ушомленіе; ушомленіе оканчивается скукою, которая имѣтъ пѣтлоснѣе, чѣмъ напряженіе каррикатура, поперебившая свою занимательность. Отсюда весьма понятно, почему *Удивительный Человѣкъ*, коего многія страницы блещутъ истиннымъ остроуміемъ и дышутъ непринужденною веселостію, въ цѣломъ тяжель и ушомленъ. Хорошо еще, что воспоминанія незабвеннаго 1812 года, не перлющая никогда своей освѣжительной силы, вклепаются въ эту длинную одноцвѣтную нѣканъ гротесковъ: въ противномъ случаѣ, трудно бы было проводить почтеннаго *Максима Степановича* до послѣдней блестящей эпохи его жизни, гдѣ онъ, развернувшись внезапно послѣ временнаго усыпленія, для того чтобы вернуться въ странническую хламиду, едва едва не спанился въ самомъ дѣлѣ *Удивительнаго Человѣка*.

Сія эпоха составляетъ предметъ пятой части, которая неоспорно есть изъ всѣхъ наилучшая. Всего сочиненія не лѣзя названъ *романомъ*: ибо въ немъ нѣтъ централизаціи дѣйствія, которая составляетъ необходимое условіе *романа*. Но эта *пятая* и послѣдняя часть имѣетъ въ себѣ много истинно *романическаго*. *Максимъ Степановичъ* является въ ней живымъ существомъ, тогда какъ изъ всѣхъ прочихъ высовывается деревянною куклою. Очнувшаяся жизнь разыгрывается въ немъ не на шутку: и подспрекнутому любопытству очень жалко попереять слѣдъ его въ то время, когда онъ только что разкачался и поднялся на ноги.

Скажемъ болѣе! Въ этой послѣдней части видны признаки *юморизма* и припомню—*юморизма Русскаго*—

національного. Нашъ Русскій человекъ имѣетъ свою собственную манеру смѣяться и быть смѣшнымъ. Онъ не умѣетъ шутить надъ жизнію ни съ Британскимъ ледянымъ хладнокровіемъ, ни съ Французскою воздушною вѣтренностію, ни съ Немецкою радужною мечпательностію. Когда сберекся онъ погулять на счетъ другихъ, то рубитъ прямо съ плеча, и въ хвостъ и въ голову, пока душа напѣшился, безъ обиняковъ, но и безъ *лихвы*, по собственному его выраженію. Тоже самое бываетъ съ нимъ и тогда, когда вздумается ему разгуляться на свой собственной счетъ, поиграть своею собственною жизнію. Онъ тогда самъ не свой; ему море по колено; самобытность, едва завоеванная имъ у природы, вываливался въ пучъ пору изъ рукъ его; для него жизнь копейка, голова наживное дѣло; онъ величественно колышется на всѣ четыре стороны, съ пвердой увѣренностію, что вмѣстѣ съ нимъ все колышется. Эпоблаженное состояніе, эпотъ счастливый *стакъ* беззаботнаго самодовольствія есть собственно то, что можно назвать Русскимъ національнымъ *юморомъ*: подсморгнуть его и повпорить въ искусственныхъ образахъ живо и вѣрно есть задача для нашихъ Свифтовъ и Аддисоновъ. Въ *Максимѣ Степановичѣ*, подъ конецъ его вѣка, эпотъ Русскій *юморъ* разыгрался было до испинно Русской *уморы*. Жаль, что покойницъ *Степанидъ Ивановой* не суждено было дожидъ до эпого блаженнаго времени: тогдабъ они надѣлали чудесъ *подивитъ* Таланшовской Думы и Уложенія, кои, не смошря на ихъ Русскій снарядъ, ошзываются заморской ученостію *Ивана Архиповича*.

Языкъ *Удивительнаго Человѣка* чистъ, легокъ и большою частію сшесственъ. Речи разданы лицамъ

сообразно ихъ званію и характерамъ. Изъ устъ *Ивана Архиповича* онъ сыплется кудрявыми риторическими цвѣтами; у *дворника Яшки* звучатъ истинно Русскою народностью. Только правописаніе изумляетъ слишкомъ причудливаго спранныспію, къ которой глазъ съ трудомъ можетъ привыкнуть. Не юморизмъ ли это типографическій? Зная, однако, талантъ автора, не осрамившій себя и насмѣявшимся произведеніемъ, мы увѣрены, что онъ могъ бы доставить удовольствіе публикѣ не однимъ удивительнымъ правописаніемъ!..

—МУРОМСКІЕ ЛѢСА, повесть въ стихахъ, Соч. А. Вельтмана. Москва, въ типогр. С. Селивановскаго, 1831.—Г. Вельтманъ, скрывавшійся доселѣ въ пензенскости, нынѣ какъ будто рѣшился взять приснутомъ славу поэта. Его стихотворенія летятъ другъ за другомъ; и кришка, при всей своей суровости, охотно сознается, что новый подвижникъ при каждомъ изъ нихъ выигрываетъ по немногу.

Въ *Муромскихъ Лѣсахъ* болѣе поэзіи, чѣмъ въ *Блглицѣ*. Здѣсь воображеніе роскошнѣе, краски свѣжѣе, картины рѣзче. Особенно фигуры разбойниковъ набросаны довольно ярко.

Глубоко подъ землю спускается ходъ,
Въ пещеру, изрытую въ камнѣ вѣками;
Опъ времени весь закопѣлый въ ней сводъ,
Навислый, какъ пуча, подставлень дубами.
Вездѣ по стѣнамъ и на сучьяхъ мечи,
Ножи двухлезвейные, копы стальные,
Пращи, кистени, шопоры и ключи,
Приборы и снадобья всѣ боевые.
И шайка удалыхъ, веселыхъ головъ,
Сидишь вокругъ огромныхъ, дубовыхъ споловъ.

Ирѣзали спрасши ихъ рдяныя лица;
Ихъ очи блестящъ подъ навѣсомъ бровей,

Какъ будто подъ стучей блистанье зарницы,
И громъ раздается отъ рѣзкихъ рѣчей.

Но вотъ въ ихъ рукахъ вдругъ ковши зашпиѣл,
Всѣ съ грохотомъ сдвинулись въ тѣсный кружокъ,
И звонокъ залился веселый рожокъ;
А добрые молодцы пѣсню запѣли :

Лей, лей! заливай, други, пѣннымъ виномъ,
Пламень не гаснущей жажды!
Пей, пей! выпивай, други! чашу вверхъ дномъ!
Жизнь намъ на свѣтѣ не дважды!

Ужъ ночь наступила, собирайтесь скорѣй!
За поясъ граненый-непромахъ!
Встрѣчай насъ съ женою незваныхъ гостей,
Бояринъ въ высокихъ хоромахъ!

Не пиръ пировать къ тебѣ въ домъ мы идемъ;
Не съ дружкой, не съ свахой, не съ свашомъ!
Встрѣчай не виномъ, а на блюдѣ златомъ
Встрѣчай серебромъ насъ и златомъ.

Мы въ гости пришли не считаться съ побой,
На честное слово мы вѣримъ!
Показывай все, что ни есть за душой,
Потомъ покажи намъ свой перемъ!

Лей, лей! заливай, други, пѣннымъ виномъ,
Пламень не гаснущей жажды!
Пей, пей! выпивай, други! чашу вверхъ дномъ!
Жизнь намъ на свѣтѣ не дважды! (с. 2-4)

Кто бы могъ однако подумать, чтобы эти разбойники, въ коняхъ шакъ разгульно кippingъ буйное молодечество Волжскихъ наѣздивковъ прошедшаго вѣка, сохраняющихся еще въ живой памяти нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ—чтобы эти разбойники носили древнія Славянскія имена и чтобы одинъ изъ нихъ принадлежалъ къ числу злодѣевъ, ослѣпившихъ несчастнаго Василька, Князя Теребовльскаго (с. 25)? Такой анахронизмъ

пѣмъ ярче бросается въ глаза, что самъ поэтъ, какъ бы невольно проговариваясь, очевидно мыслится и заспавляеть современниковъ *Мономаха*, между прочимъ, захватъ

... съ поварями въ путь изъ *Касимова*. (с. 23)

Сверхъ того сцена дѣйствія убрана слишкомъ не по Русски, à la Radcliffe; и пещера Муромскихъ разбойниковъ, своими *высокими сводами и длинными перходами*, сбивается очень на подземелье Мадзини. Анапозмъ не менѣе странный!

Не лзя также не признаться, что эпическая ткань поэмы, или баснь, составляющая ея содержаніе, очень не складна и не имѣетъ ни еспеспвенности, ни послѣдовательности, ни цѣлости. Это заставляетъ искренно сожалѣть, что поэтъ, коего талантъ со дня на день обнаруживается ярче, не запасся побольше искусствомъ!

—ДОСТОПАМЯТНОСТИ ВЕНЕВА МОНАСТЫРЯ. *Москва, въ типогр. С. Селивановскаго, 1831.*—Намѣреніе, съ коимъ издана сія книжка, весьма похвально и дѣлаетъ честь усердію Г. Сахарова, ея составителя. Древніе памятники Русскаго бытія, коихъ обширѣйшую и важнѣйшую область составляютъ памятники духовнаго зодчества, свидѣтели не только благочестія, но и внѣшняго гражданскаго образованія нашихъ предковъ, доселѣ оспаются у насъ, большею частію, въ виновномъ небреженіи. Между тѣмъ по нимъ, какъ по неподвижнымъ почкамъ, можно и должно опредѣлять поспешенность развитія Русской общественной жизни, во мракѣ вѣмъ минувшихъ.

Доселѣ трудолюбіе нашихъ немногихъ археологовъ ограничивалось преимущественно письменными памятниками общественной древности, какъ наиболѣе го-

ворливыми и понятыми. Тамъ же ограничился и Г. Сахаровъ. Въ архивъ описываемой имъ обители нашелъ онъ *два грамоты*: одну *уставную*, жалованную Веневу Монастырю Царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ, въ 1624 году, другую, выданную по благословенію Папріарха Адріана, на *освященіе церкви* въ томъ же монастырѣ, 1701 года. Это подало ему поводъ къ намеку на небреженіе, въ коемъ находилъсѣ эпопъ архивъ. Нельзя конечно не пожалѣть о томъ: по, съ другой стороны не лзя и бѣсноваться, подобно журнальному крикуну, который, взявшись поспавить двенадцать кипъ историческаго повара новаго издѣлія и не имѣя никакихъ новыхъ матеріаловъ, еспешвенно долженъ обрадоваться случаю излить на чобы то ни было свою безсильную ярость. Знакомые съ нашими Русскими монастырями очень хорошо знаютъ, что ихъ архивы не были и не могли быть богаты важными историческими докуменами. Это не то, что монастыри западные, имѣвшіе совершенно другое значеніе, другой составъ, другое образованіе. Конечно, потеря каждаго стариннаго лоскутка естъ потеря для палеографіи: но для исторіи иногда цѣлые свѣтки мало-важныѣ одного простаго кургана, говорящаго часто звучнѣй и поняшнѣй иной лѣтописи. Пусть Г. Сахаровъ распросилъ бы внимательнѣе развалины описываемой имъ обители, коихъ безмолвіе не всегда бываетъ нѣмо; или пусть изобразилъ бы ихъ съ топографическою и археологическою вѣрностію для другихъ, коимъ языкъ ихъ знакомѣ: это вознаградило бы съ избыткомъ скудость архива, въ коемъ, вѣроятно, сгнілъ, большею частію, домашній соръ монастырскій.

Въ сохранившейся донинѣ церкви Всева Монастыря находились, до 1827 года, старинныя гробницы:

Смоленскаго Князя Юрія и Новгородскаго Архієпископа Пимена. *Г. Сахаровъ*, собравъ историческія свѣденія объ нихъ обоихъ, *умалчиваетъ о народныхъ преданіяхъ*—кон, по собственнымъ словамъ его, *соединяютъ съ жизнью ихъ странныя мнѣнія, какъ о не служащихъ вниманію* (с. 3). Это очень жаль: вѣроятно, найдутся люди, у которыхъ сіи преданія заслужилибъ вниманіе и которые поблагодарилибъ за нихъ болѣе *Г. Сахарова*, чѣмъ за сообщеніе историческихъ извѣстій, кои выбраны изъ книгъ, находящихся подъ рукою у cadaго.

— LE MOINE, *poëme de M. Kosloff, intitulé: чернецъ, traduit en prose par Mlle^{...}. Moscou, à l'impr. de l'Inst. Lazareff. 1831.* (Чернецъ, поэма Козлова, переведенная прозой, Длвицею^{...}. М. Москва, въ тип. Лазаревскаго Института В. Я., 1831).—Любезная соопенесивница, принявшая на себя трудъ ознакомить Французскую Словесность съ лучшимъ произведеніемъ современной нашей поэзіи, заслуживаетъ справедливую благодарность. Вотъ образчикъ ея перевода! »Ah! combien de sensations différentes agitèrent à la fois mon âme à la vue majestueuse des plaines chéries de Kieff! Elles étaient comme à l'ordinaire couronnées de verdure; la même forêt décorait l'horizon, les mêmes chansons retentissaient dans les prairies; rien n'avait changé, rien ne manquait sous le ciel de ma patrie; mais, hélas! celle que cherchait mon coeur, n'y était plus.« (р. 18, 19). Конецъ поэмы, къ сожалѣнію, сокращенъ въ переводѣ.

VIII.

ПРОЕКТЪ ЭСТЕТИЧЕСКАГО МУЗЕЯ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Мы, Русскіе, съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что Изыщныя Искусства, благодаря попеченіямъ Правительсва, глубоко вкоренились у насъ и принесли плоды, дающіе намъ право и въ сей опрасли просвѣщенія войти въ dospуное соспизаніе съ другими народами. Художники Русскіе со славою вознаграждаютъ пожертвованія и оправдываютъ ожиданія Монарха и Опечесва. Но желашельно бы было, чпобъ Изыщныя Искусства не ограничивались одними мастерскими художниковъ, но вошли бы непосредственно въ кругъ общеспвеннаго воспитанія и образовали бы въ народѣ чувство эстетическое. Сей цѣли не возможно достигнуть, не имѣя передъ очами лучшихъ произведеній рвца, кисти и циркуля.

Петербургъ богатъ сими способами: въ Эрмитажѣ, Академіи Художествъ, во многихъ частныхъ галлерейхъ, между сокровищами оригинальными, изыщныя слѣпки и копіи могутъ дать понятіе объ искусствѣ всякому, желающему проникать въ его тайны. Москва, за исключеніемъ пѣкоторыхъ частныхъ галлерей, опдаленныхъ отъ города, какъ-то: Князя Юсупова въ Архангельскомъ и Графа Шереметева въ Останковѣ, не имѣетъ сихъ сокровищъ. Предметъ сего прозкта пособить недоспадку и, съ одобренія Высшаго Правительсва, въ Москвѣ, подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ Императорскаго Мо-

сковскаго Университета, если онъ благоволилъ изречь на по свое согласіе, основать *Эстетическій Музей* или полное собраніе гипсовыхъ слѣпковъ, а по возможности и мраморныхъ копій, съ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ произведеній Ваянія древняго, средняго и новаго; копій съ отличныхъ картинъ разныхъ школъ классической Живописи и наконецъ моделей со всѣхъ славнѣйшихъ памятниковъ Архитектуры, древностию и средними вѣками попомогну заимствованныхъ. Къ сему со временемъ присоединятся и модели разныхъ утварей древней жизни, образцы коихъ съ такою роскошью представляются намъ въ Музей Неаполитанскомъ. Однимъ словомъ, оный Музей долженъ въ миниатюрѣ представить всѣ сокровища искусства и древности.

Нужно ли доказывать пользу такого заведенія? Вспомнимъ только слѣдующее: для немущихъ средства посѣпить края Италіи, оно замѣнитъ невозможную пользу и наслажденіе; для имущихъ послужитъ всегдашнимъ пріятнымъ воспоминаніемъ; кафедра Эстетики и Древностей въ Московскомъ Университетѣ оживится, когда передъ очі слушателей сойдеть великолѣпный Олимпъ, и всѣ зданія, утвари, все наслѣдіе древней жизни, представитъ не въ неясныхъ словесныхъ описаніяхъ, а въ живыхъ моделяхъ; вкусъ изящнаго, который, при благопріятномъ свѣтѣ науки, разливается быстро по нашему опечесству, получитъ новую пищу; артисты Московскаго Театра здѣсь научатся граціи и величію положеній, а прочіе художники, къ оному принадлежащіе, какъ-то: декораторы и костюмеры здѣсь найдутъ вѣрныя модели для сцены. Но можно ли испощить когда-нибудь пользу и удовольствіе, отъ такого заведенія произойти имѣющія?

Увѣрившись, что всякой живоубежденъ въ оныхъ, приступимъ къ плану Музея и пѣснѣйшему опредѣленію границъ, необходимыхъ для начатія оного, а попомоу представимъ возможность исполненія и пособія, для того нужныя.

Поелику гипсовыя слѣпки со спашуй не пребудууть такого труда и такихъ издержекъ, съ какими сопряжены копіи живописныя, то, пока, ограничимся только отдѣленіемъ спашуй и моделей.

Желательно бы было въ распредѣленіи оныхъ слѣдовать историческому порядку такъ, чтобы прогулка по галлерей спашуй живо олицетворила для насъ исторію Ваянія отъ начала до нашихъ временъ. Всякой, кто, хотя поверхностно, глядытъ на сей предметъ, знаетъ: сколько здѣсь разногласія во мнѣніяхъ на счетъ спилей, времени спашуй и проч. Безмерный Винкельманъ испыталъ множество опроверженій отъ опытнаго Гейне, отъ геніальнаго скептика въ исторіи искусствъ Рафаэля Менгса, и отъ множества антикваріевъ Италіи. Не смотря на то, сколько можно, соблюдемъ историческій порядокъ въ распредѣленіи произведеній Ваянія.

I. *Первое* отдѣленіе сего Музея, какъ преддверіе къ блистательному искусству Греческому, соспавятъ памятники искусства Египетскаго и Этрускаго. Оно олицетворитъ для насъ первый періодъ исторіи оного, когда искусство, скованное цѣпями формъ, вздревле безусловно принятыхъ, служило болѣе символомъ религіи, и, не имѣя развитія свободнаго, заключало однако въ себѣ зародыши будущаго величія. Входъ въ сіе преддверіе украсится бюстомъ Винкельмана, какъ перваго исполкователя искусства, отверзшаго намъ сокровенный доподъ храмъ его.

Это отдѣленіе, служа болѣе средствомъ къ уразумѣнію истинной красоты ваянія, не нуждается въ излишней роскоши памятникостъ, и потому ограничимся слѣдующими:

А) ЕГИПЕТСКІЕ.

1. Сфинксъ бронзовый, съ гіероглифическою надписью, изображеніе коего находится въ сочиненіи Кайлуса и приложено къ I кн. Винкельмановой Исторіи Искусства, во Франц. изданіи Феа, 1801 г.
2. Сфинксъ изъ сѣраго базальта, въ Виллѣ Албани, голова новая.
3. Египетскій Жрецъ въ Museo Pio Clementino (Винк. III, 466, изданіе Фернова, 1809 г.)
4. Два Жреца Египетскіе, одинъ древняго стиля Египетскаго, другой Римско-Египетскаго.
5. Два льва: одинъ настоящаго Египетскаго, другой Греческо-Египетскаго стиля.
6. Tabula Isiaca, въ Туринѣ.
7. Канопъ, въ В. Албани (Винк. I, 154, Изд. Феа.)
8. Серсоритео (божество обезьянообразное) изъ базальта (No 8: Ком. Канопъ въ Капиш.)
9. Синапул божества со львиною или кошачьею головою, изъ черноватаго гранита, въ В. Албани (Винк. I, карп. IX. Изд. Феа).
10. Анубисъ съ сиспрою, въ Капишполіи, N 10 въ Ком. Канопъ.
11. Изида базальтовая, въ В. Албани.
12. Колоссы изъ Виллы Адріана въ формѣ Каріатидъ въ Ватиканѣ, (Sala a Croce Greca).

НВ. Извѣстно, что Ваяніе Египетское имѣетъ три эпохи: а) собственно Египетскую, а) Грече-

скую при Пиполомеяхъ и в) Римскую во время Адриана. Мы помѣстили въ этотъ отдѣлъ произведенія всѣхъ прехъ спилей.

в) ЭТРУСКИЕ.

1. Химера, во Флоренціи.
2. Нагусрехъ или Сенапоръ Римскій, памѣ же.
3. Гемій 4 хъ пальмъ, по Винк. въ Римѣ (palazzo Barberini) но теперѣ проданъ.
4. Нѣкопорые барельефы, въ Виллѣ Албани и въ Каппиоліи, и корралина, представляющая семь вождей Оивскихъ, въ Берлинѣ.
5. Волчиха, въ Каппиоліи.
6. Нѣсколько вазъ, вырытыхъ въ Волперрѣ и около Канино. (Архиспцы Иваліанскіе превосходно подражаютъ онымъ, соблюдая и спилъ и колоритъ рисунка. На первой разѣ можно весьма удовольствоваться изданіемъ вазъ Канинскихъ, которое предпринято Лукіаномъ Бонапаршомъ, владѣтелемъ оныхъ, и котораго вынима первая часть, сплюющая 7 піаспровъ, а съ объясненіемъ 10, что составитъ на наши денги 50 руб.).

II. *Второе* отдѣленіе изобразитъ переходъ отъ искусства символическаго къ его совершенному и самоспопашельному развишію и будетъ заключать въ себя несомнѣнныя сокровища рѣзца Греческаго, какъ то: мраморы Египетскіе (въ Минхенской Галиппошкѣ) и Паренонскіе (оригинальные въ Лондонѣ, но слѣпки съ оныхъ существуютъ и въ Вапиканѣ), Палладу изъ Виллы Албани и мнимую Веспалку изъ дворца Барберини. Сюда же по спилу, а не по несомнѣнной древности, опнесемъ и Колоссы Monte Cavallo.

III. *Третье* отдѣленіе представитъ блистательнѣйшій цвѣтъ всего искусства древняго и будущаго, содержащій статуи всѣхъ боговъ, богинь, полубоговъ и героевъ мифологіи древней. Согласно съ сею мыслию, оное отдѣленіе можетъ быть наименовано *Олимпомъ*. Къ чести новѣйшаго искусства и для показанія, какъ оно сравнялось съ древнимъ, подлѣ произведеній рѣзца Греческаго смѣло спануть рядомъ лучшія произведенія новѣйшаго ваянія. Вотъ сокровища, имѣющія мѣсто въ семь храмъ древняго міра.

А) СТАТУИ.

1. Юпитеръ въ Вапиканъ (Stanze de Busti).
2. Юнона
3. Юнона Ланувина } тамъ же (Camera Rotonda).
4. Минерва Медика, въ Ват. (braccio nuovo del Museo Chiaramonti).
5. Минерва изъ Веллепри, въ Парижѣ.
6. Аполлонъ Белведерскій.
7. Аполлино, во Флоренціи, въ Трибунѣ.
8. Аполлонъ Савроктоносъ, въ Ват. (Camera della biga) или въ В. Албани.
9. Аполлонъ съ лирой, въ Ват. (Camera della biga).
10. Аполлонъ Кноаридъ въ женской одеждѣ, въ Вапик. (Sala delle Muse).
11. Муза Мельпомена } тамъ же.
12. Муза Талія
13. Діана Ловица, въ Парижѣ.
14. Венера Медицейская, во Флор. въ Трибунѣ.
15. Венера Капитолійская.
16. Венера изъ бани въ Ват. (Gabinetto).
17. Венера Каллипига, въ Неаполь.
18. Венера Анадиомена, въ Ват. (braccio nuovo del Museo Chiaramonti).

19. Венера изъ Гнидо , копія съ Праксительской , въ Вапик. (*Galleria delle Statue*).
20. Венера Родительница (*genetrix*) въ Венеціи.
21. Венера Кановы во Флор. (*palazzo Petti*).
22. Венера Торвальдсена.
23. Три Граціи , въ Генуѣ (*alla Sagrestia della Chiesa Cathedrale*).
24. Три Граціи Кановы.
25. Три Граціи Торвальдсена.
26. Амуръ , въ Капитоліи.
27. Меркурій Белведерскій.
28. Меркурій сидящій , бронзовый , въ Неаполѣ.
29. Меркурій Торвальдсена.
30. Мелсагръ Белведерскій.
31. Геркулесъ Фарнезскій , въ Неаполѣ.
32. Торсо или Геркулесъ Белведерскій.
33. Геркулесъ младенецъ , во Флоренціи.
34. Бахусъ , въ Вап. (*Camera della biga*).
35. Фавнъ во Флоренціи , въ Трибунѣ.
36. Фавнъ , Барберини , въ Минхенѣ.
37. Фавнъ , играющій на флейтѣ , въ Вапик.
38. Красный Фавнъ , въ Вапик. (*Gabinetto*).
39. Силенъ съ младенцемъ Бахусомъ на рукахъ , въ Вапик. (*braccio nuovo*).
40. Флора , въ Неаполѣ.
41. Флора Капитолійская.
42. Церера , въ Вапик. (*Sala Rotonda*).
43. Ганимедъ , въ Венеціи.
44. Нилъ колоссальный , въ Вапик. (*braccio nuovo*).
45. Гермафродитъ , во Флоренціи.
46. Гермафродитъ , въ Парижѣ.
47. Персей Белведерскій , Кановы.

ТЕЛЕСК. Ч. III.

26

48. Геба Кановы.
49. Ариадна, въ Вапик. (Galleria delle Statue).
50. Марсъ покоющійся, въ В. Людовизи.
51. Амуръ и Психея, въ Капиполи.
52. Нимфа танцующая, Кановы, въ Парижъ.
53. Адонисъ Торвалдсена.

б) бюсты.

1. Маска Океана, въ Вапик. (corridore Chiaramonti, 10 riquadro).
2. Голова Нептуна, памъ же.
3. Голова Океана съ дельфинами, въ Вап. (Sala Rotonda).
4. Голова Юпитера, памъ же.
5. Голова Юпитера Сераписа, памъ же.
6. Голова Минервы, въ Виллѣ Албани.
7. Голова (мнимая) Менелая, въ Вапик. (Stanze de'Busti).
8. Голова Юноны, въ Виллѣ Людовизи.

IV. *Четвертое* отдѣленіе будетъ содержать группы и олицетворенія поэтъ періодъ искусства, когда оно, сошедъ съ величаваго спокойнаго Олимпа на землю, спало рѣзцомъ выражать на мраморѣ спраспи человѣческій. Къ сему же отдѣленію опнесемъ и спашун гладиаторовъ, пѣмъ болѣе, что самъ Винкельманъ въ иныхъ видитъ части группъ, какъ на пр. въ Борцахъ Флорентинскихъ, которыхъ онъ почищаетъ чадами Ниобы, и въ знаменипомъ Точильщикѣ, коего именуемъ рабомъ, по повелѣнію Аполлона, почашимъ ножъ на Марсіала. Въ слѣдствіе сего сюда войдутъ :

1. Ниоба съ дышми, 14 фигуръ, во Флоренціи. а)

а) Ниобу, какъ и мраморы Египетскіе, слѣдуетъ распо-

2. Лаокоонъ Белведерскій.
3. Быкъ Фарнезскій , въ Неаполь.
4. Папирій съ матерью, а по мнѣнію Винкельмана а) Электра и Орестъ , въ Римѣ, Вилла Людовизи.
5. Арія и Пептусъ , а по мнѣнію Винк. , пѣлохранитель царя Эола и дочь его Комацея, пѣмъ же.
6. Борцы или , по Винкельману , дѣппи Ніобы , въ Трибунъ , во Флоренціи.
7. Аяксъ , поддерживающій пѣло Патрокла , въ народѣ слывущій Пасквино, древній опрывокъ въ Римѣ (у pal. Braschi) и возобновленная группа Рафаэлемъ Менгсомъ во Флоренціи.
8. Точильщикъ во Флоренціи , въ Трибунъ.
9. Умирающій Гладіаторъ, а по мнѣнію Винкельмана, Въспникъ , въ Капитоліи.
10. Гладіаторъ Боргезскій , въ Парижѣ.
11. Дисковоль Мирона, въ Ваш. (Camera della biga).
12. Гладіаторъ сидящій, въ В. Людовизи.
13. Феделе (вѣрный), въ Капитоліи.
14. Два Гладіатора Кановы.
15. Тезей и Минотавръ , Кановы.
16. Геркулесъ и Ликъ , въ Римѣ , (pal. Torlonia).

ложить въ видѣ фронтона по весьма оспроумной догадкѣ Кокреля.

- (*) Винкельманъ всегда опровергалъ Римскихъ Антикваріевъ, имѣвшихъ страхъ объяснять значеніе спашуй происшествіями изъ Римской Исторіи— весьма твердо и прочно основавшись на словахъ Плінія: *Graeca quidem res est, nihil velare; et contra Romana ac militaria, thoraces addere* — и предпочиталъ объясненія изъ Мифологіи древней.

V. *Пятое* отдѣленіе составится изъ портретовъ и бюстовъ, оставленныхъ древностію, и олицетворить поэтъ періодъ искусства, когда оно обратило всю силу опытнаго рѣзца на изображеніе *милаго* человечества. Періодъ сей, начатый Лизиппомъ, пвворцемъ бюста Александра Македонскаго, даетъ мысль украсить сію залу знаменитымъ барельефомъ Торвалдсена, представляющимъ поржество сего завоевателя. Сюда войдутъ:

а) СТАТУИ.

1. Александръ Македонскій (въ Минхенѣ).
2. Августъ въ жрец. одеждѣ, въ Ват. (Sala Rotonda).
3. Тиверій, въ Ват. (corridore Chiaramonti).
4. Нерва увѣнчанный, (Sala Rotonda).
5. Нерва, (braccio nuovo del Museo Chiaram).
6. Маркъ Аврелій, въ Капитолѣ.
7. Анпиной (въ Капитолѣ).
8. Анпиной, въ Ват. (braccio nuovo).
9. Эврипидъ
10. Димосеенъ
11. Аристоидъ, въ Неаполѣ.
12. Жрецъ покровенный, въ Ватиканѣ.

б) вюсты.

1. Лучшіе бюсты всѣхъ Римскихъ Императоровъ до Коммода включительно.
2. Бюсты знаменитѣйшихъ мужей древности.
3. Бюсты поэтовъ и художниковъ Италіи.

VI. *Шестое* отдѣленіе должно изобразить намъ Христианское Искусство, воскресшее подъ чудеснымъ рѣзцомъ Микель-Анжело, и попому будетъ заключать лучшія его произведенія, какъ то :

1. Pietà, п. е. Св. Марія съ бездыханнымъ Спасителемъ на колынахъ, въ храмъ Св. Петра.
2. Моисей, въ Римъ, San. Pietro in Vincoli.
3. Хрипсось, въ Римъ, Minerva.
4. Ночь и День, во Флоренціи, въ часовнѣ Медичисовъ, на гробницѣ Лавренція.
5. Памятникъ Павла III, Вильгельма дела Порта, подъ руководствомъ Микель-Анжело, въ храмъ Св. Петра.

VII. *Седьмое* отдѣленіе представитъ снова уклоненіе искусства отъ просимоты Греческаго и отъ нупи, показаннаго Микель-Анжело, къ формамъ насильственнымъ, искривленнымъ, и олицетворивъ въкъ Бернини и его послѣдователей. Сюда войдутъ:

1. Вероника, въ хр. Св. Петра.
2. Аполлонъ и Дакна въ В. Боргезе. } Бернини.
3. Похищеніе Прозерпины, въ В. Людов. }
4. Похищеніе Сабинки, во Флоренціи. } Иоанна Бо-
5. Меркурій, тамъ же. } лонскаго.

VIII. Наконецъ *осьмое* отдѣленіе представитъ намъ въ произведеніяхъ Кановы и Торвалдсена не только совершенное возвращеніе къ просимотѣ искусства древняго, но и преображеніе оаго при вліяніи Религіи Христіанской. Въ произведеніяхъ перваго увидимъ совершенство Праксипедовой граціи, угаданной великимъ художникомъ; въ произведеніяхъ втораго высокостъ спила Фидіева, освященную рѣзцомъ Христіанскимъ. Сіе отдѣленіе заключающа Спасителя Торвалдсена, составляюща новую эпоху въ исторіи Ваянія. Сюдаже принадлежатъ и бюсты сихъ художниковъ. Большая часнь ихъ произведеній уже поставлена въ предъидущихъ отдѣленіяхъ: посему здѣсь ограничимся нѣмъ, коихъ идеалы взяны изъ міра Христіанскаго.

а) КАНОВЫ:

1. Магдалина.
2. Монументъ Клименпа XIII Реззонино , въ хр. Св. Петра.
3. Монументъ Эрцгерцогини Хриспины , въ Вѣнѣ.

б) ТОРВАЛЬДСЕНА :

1. Спаситель.
2. Нѣкоторые изъ Апостоловъ.
3. Надежда.

Въ особомъ *девятиомъ* отдѣленіи будутъ находиться модели Колизея, Пантеона, Форума Римскаго, Помпей, Геркуланума, Театра древняго, храма Пестумскаго, храма Агригентскаго въ Сициліи, гробницы Сципіоновъ, храма Св. Петра и проч. При Музее имѣеть бытъ библіотека, въ которой должны находиться всѣ лучшія руководства къ изученію исторіи искусства и древностей, образцовые труды Флаксмана, гравюры всѣхъ лучшихъ галлерей Италіи и пр. и пр.

Что касается до копій Живописныхъ, не предлагаемъ заранее раздѣленія; ибо и предстоящее пребудетъ многого времени.

Желая раздѣливъ съ своими соотечественниками впечатлѣнія прекрасной родины искусства, я принимаю на себя обязанность надзирать за приготовленіемъ оныхъ слѣпковъ и моделей. Будучи знакома съ извѣстными Европейскими художниками, каковы Торвалдсенъ, Каммучини и проч., съ лучшими знамоками искусства, съ артистами Русскими, при общемъ ихъ руководствѣ, я надѣюсь, что копіи будутъ оплещаться желанною точностью, а слѣпки живо представлять оригиналы. Знакомства же мои въ Римѣ даюць мнѣ возможность имѣть все за такую цѣну, какая

берется только съ самихъ художниковъ , а не съ частныхъ лицъ.

Перейдемъ къ пособіямъ, необходимымъ для исполненія оного проэкта. Если Московскій Университетъ не имѣетъ возможности опвесити для сего опдѣльнаго зданія , то положившись можно на щедрость нашихъ вельможъ: не благоволишь ли кто нибудь изъ сихъ мужей , извѣстныхъ своею любовью къ искусству, до первой возможности Московскому Университету опредѣлить для оного особое зданіе—(которое расположивъ бы должно было сообразно съ начерпаннымъ планомъ)—опвесити у себя въ домъ временную гостиницу для гипсовой колоннъ статуи? Сими уничижится первая и главная трудность: найми мѣсто для Музея.

Суммы на собраніе всѣхъ неисчисленныхъ памятниковъ опредѣлить не возможно , ибо планъ сей начертанъ во всемъ обширномъ объемѣ исторіи Искусства; но, если ограничимся на первой разъ однимъ Ваяніемъ и въ ономъ главнѣйшими и пужнѣйшими памятниками , то поспребно для сего двадцать пять тысячъ рублей. Для сношеній же съ художниками , мастерами , въ разныхъ городахъ , для завѣдыванія суммы , расплаты , опчетовъ и проч. не обходимо, чтобы Императорскій Московскій Университетъ выслалъ въ Римъ, какъ средоточіе Италіи и мѣсто моего пребыванія , на шесть мѣсяцевъ дѣлательнаго чиновника. На провѣздъ его и шестимѣсячное пребываніе здѣсь поспребно не болѣе трехъ тысячъ рублей.

Но распространить оный Музей невозможно безъ пожертвованій со стороны жителей Москвы , въ пользу и удовольствіе которыхъ сіе заведеніе учреж-

даются. Должно надѣяться, что они и въ этомъ случаѣ не измѣняютъ своему великодушному чувству, съ какимъ всегда приносили добровольныя жертвы пользѣ общей. Должно надѣяться также, что и Петербургъ, столько разъ видѣвшій опъ своей державной предшественницы исторіею прославленныя свидѣтельства великодушія и самоотверженія — въ этомъ случаѣ дѣятельнымъ содѣйствіемъ ознаменуешь свою любовь къ просвѣщенію. Въ сей-то надеждѣ имѣетъ открытійся добровольная подписка въ пользу Музея; желающіе могутъ жертвовать и самыми произведениями. Тогда-то мало по малу будутъ исполняться въ подробностяхъ и прочія части плана, границы коего определяются единственно щедростію пожертвователей, поелику исполнители искусства и древностей неограниченны. Если собранная сумма окажется весьма важною, то немедленно приступаютъ къ скупкѣ копій съ лучшихъ образцовъ Живописи, и на первой разѣ можно будетъ заказать пять произведеній изъ четырехъ главныхъ Италіанскихъ школъ, а именно:

1. *Страшный судъ*, Микель-Анжело, какъ представителя Флорентинской школы, въ маломъ размѣрѣ, наподобіе той копіи, которая находилась въ Неаполитанской картинной галлерей.
2. *Успеніе Божіей Матери*, Тиціана, какъ представителя Венеціанской школы.
3. *Преображеніе и Мадонну Сикстову*, Рафаэля, какъ представителя Римской школы, и
- 4.) *Смерть Агнесы* Доминикина, какъ представителя Ломбардо-Болонской школы.

Готовыя вещи будутъ отправляться моремъ съ величайшею исправностію. Уже сдѣланы нужныя освѣдомленія на счетъ проѣзда; и люди, мнѣ знакомые,

общають доставлять предметы по тѣмъ же самымъ цѣнамъ, по какимъ они условливаются съ артистами: выгода немаловажная! Г. Торвалдсенъ, пребывающій здѣсь въ Римѣ, коему сообщено сіе предпріятіе, съ усердіемъ общается вспомоцествованію исполненію оного.

По приближеніи сихъ произведеній въ Москву, имѣетъ быть приглашенъ одинъ изъ извѣстныхъ Ваятелей Петербургскихъ, какъ напр. Г. Орловскій или Г. Гольбергъ, для соединенія разнѣныхъ частей и распределенія предметовъ по указанному плану. На счетъ же Университета необходимо опредѣлить изъ числа его чиновниковъ Инспектора Музея — и опытъ Музей имѣетъ быть открытъ два раза въ недѣлю для людей всякаго званія, а для художниковъ ежедневно.

Остается желать, чинюбъ Императорскій Московскій Университетъ, всегда ревностный къ пользѣ общественной, не отстранялъ онъ себя новаго подвига во славу наукъ, ему по праву лежащаго, видя при томъ возможность исполненія оного при счастливорѣмъ спеченіи общественности; чинюбъ Г. Московскій Градоначальникъ, всегда неутомимо усердный ко благу древней Столицы, и Г. Попечитель сего Университета, онъ кою Москва ожидаетъ новыхъ подвиговъ къ ея нравственному усовершенствованію, обратили вниманіе на сей проектъ — и чинюбъ любовь къ искусству въ жителяхъ обихъ Столицы пробудила и поддержала нѣверное рвеніе къ исполненію оного.

Княгиня Зинаида Волконская.

IX

НОВОСТИ

НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

— НАЦИОНАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНІЕ БОГЕМСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. —
 Богемцы суть чистая Славянская кровь; и ихъ привязанность къ своему происхожденію проспирася почти до суевѣрія. Вельможи соспязаются въ ней съ проснымъ народомъ съ благородною ревностью. Многие изъ нихъ выспроили на свой счетъ музеи и публичные библіотеки, въ кои, не щадя никакихъ издержекъ, собираютъ опъскуду опечественныя древности и памятники древней народной словесности. Одинъ современный Богемскій поэтъ, Колларъ, издалъ недавно два тома стихопвореній, дышущихъ пламеннымъ патріотизмомъ. Подъ именемъ *Слава* (Slawa), онъ олицетворилъ въ нихъ свою опчизну или, лучше сказать, всю родную семью Славянъ, и изливается предъ ней въ пламенныхъ выраженіяхъ неоповѣдимаго одушевленія, подобно какъ предъ обожаемою любовницею, или какъ паниспвенная Госпожа Гюонъ предъ несозданною краскою. Въ его стихопвореніяхъ естъ нѣчто сходное съ *Мелодіями* Томаса Мура, гдѣ родная Ирландія олицетворена подъ своимъ древнимъ именемъ Эрина. Спрастъ, коей сгараесть душа поэта, едва скрывается подъ его слишкомъ прозрачными аллегоріями. Иногда даже, увлекаясь изступленіемъ чувства, онъ не можетъ совладѣть съ собой—и его Славянская душа вся обнажается. Въ своихъ патріотическихъ воспоргахъ онъ обращается преимущественно къ Россіи. »Исполниская дщерь Славянъ, могущественная Россія«—восклидаесть онъ въ одномъ изъ сихъ благородныхъ

порывовъ—«когда соединишь ты въ одну рукоять эти разметанные въпви одного корня, когда сольешь въ одинъ попокъ эти расплесканные волны одной крови?» (R. В.)

— ВОЗСТАНОВЛЕНИЕ СТАТУИ НАПОЛЕОНА.— Непонятно, за чѣмъ нынѣшнее Французское Правительсво хлопотало сполько объ изгнаніи Наполеоновъ со сцены, когда оно само торжественно опредѣлило возстановить опять статую Наполеона на триумфальной колоннѣ Вандомской Площади, что конечно значить гораздо болѣе, чѣмъ предсавленіе жизни его на театръ. Говорятъ, что это возстановленіе должно имѣть политическую цѣль, и именно, польстить Генераламъ старой Французской арміи, кои смотрятъ на эту колонну, какъ на собственный свой памятникъ, и соединяютъ съ ней воспоминаніе о своихъ прежнихъ блестящихъ подвигахъ и побѣдахъ. Какъ бы то ни было, торжественное покровительство, оказываемое такимъ образомъ воспоминанію Наполеона со стороны Правительсва, гораздо важнѣе, чѣмъ театральныя шутки, коими пѣшился одно только самолюбіе спихотворцевъ и щекочется невинно праздношатающееся любопытсво. Не смотря на то, возстановленіе сіе встрѣтило много затрудненій. Вообще кажется, что во Франціи слишкомъ спѣшатъ повелѣніями о сооруженіи памятниковъ. Наполеонъ опредѣлилъ декретомъ воздвигнуть огромный памятникъ своихъ побѣдъ на вершинѣ Альпъ: этому памятнику не положено было и перваго камня. Не лучше была участь монумента, или лучше, Королевскаго повелѣнія о сооруженіи монумента, долженствовавшего увѣковѣчить завоеваніе Алжира въ прав-

ление Карла X; ибо извѣстные обстоятельства не допустили и принятыя за его исполненіе. Можно почти подумать, что повелѣніе воздвигнуть памятникъ естъ несчастное предзнаменованіе для Французскаго Правительсва. На сей разъ, однако, рѣчь идетъ не о сооруженіи новаго памятника, а о возстановленіи стараго: ибо извѣстно, что статуя Наполеона возвышалась уже на триумфальной колоннѣ въ его правленіе и низвергнута по возвращеніи Бурбоновъ. Въ силу Королевскаго повелѣнія статуя сія должна была снова быть возстановлена 5 Мая, въ день смерти Наполеона. По сему повелѣнію слѣдовало бы естественнѣе заключить, что она хранилась въ какомъ нибудь магазинѣ у Правительсва и что стоить ее только взять оттуда и поставить. Но когда явилось повелѣніе и каждый началъ спрашивать, гдѣ же находится статуя, то оказалось, что она болѣе не существуетъ. Въ журналахъ пошли различныя толки: писано было и то и сѣ; но наконецъ изъ всѣхъ споровъ вышло, что никакой статуи на лицѣ не имѣется; ибо прежняя не была увезена ни Императоромъ Александромъ въ Россію, ни Герцогомъ Веллингтономъ въ Англію, какъ большая часть Французовъ была увѣрена, а просія перелита въ статую Генриха IV. И такъ о возстановленіи ея въ назначенный день не лзя было и думать; вѣроятно Министръ предложилъ Королю проэкты повелѣнія, не навѣдавшись, существуетъ ли еще статуя. Слухи, однако, носились, что 5 Мая будетъ выставлена, по крайній мѣрь, деревянная или гипсовая; но и этого не сбылось; и любопытные, собравшіеся на Вандомскую Площадь, чтобы позвать на образъ героя, возбудившаго къ себѣ такую выходящую лю-

бовъ, обманулись въ своей надеждѣ: они не удостоились видѣть ни деревяннаго, ни гипсового Императора. Надлежало однако вершить затѣянное дѣло; и такъ открытъ конкурсъ, къ коему приглашены всѣ ваятели. Теперь пошли толки о томъ, какъ должно представить Наполеона въ новомъ изваяніи. Пренная статуя представляла его, какъ Римскаго Императора, въ порфирѣ и съ державою въ рукѣ. Въ пѣкопорохъ журналахъ было замѣчено, что это прилично было тогда, когда онъ еще царствовать и былъ міровластителемъ; но теперь, когда въ немъ чувствуется не столько самодержавнаго Императора, сколько гениальнаго чловека, великаго воина и полководца, гораздо приличнѣе представить его такъ, какъ живетъ онъ въ воспоминаніи народа— въ прехугольной шляпѣ и сюртукѣ, съ сложенными на крестъ руками. Модель, представленная въ конкурсѣ Г. Э. Сьерромъ, изображаетъ его точно такъ, и говорящъ, получила одобреніе. (М. В.).

Х.

КАРИНЫ МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА.

(изъ воспоминаній старожила)

БЛАГОРОДНЫЙ КОНЦЕРТЬ.

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Зала собранія, ярко освѣщенная. Концертъ кончился. Партеръ наполненъ неподвижными и движущимися группами. На возвышеніи, гдѣ расположенъ былъ оркестръ, собрались аматеры обоого пола, участвовавшіе въ концертѣ.

въ званіи Камергера. Его Сіятельство Министръ, кажемя, оспался доволенъ нашимъ концертомъ.

КАМЕРЪ-ЮНКЕРЪ. Опъ слушалъ съ такимъ вниманіемъ, что даже не аплодировалъ.

мѢРЕ GIGOGNE. Графъ не желалъ, конечно, прерывать музыки. А каково пѣла моя Dorothee?

АРХИВНЫЙ ЮНОША. Безподобно!

ДРУГОЙ. Минисипръ не сводилъ съ нея лорнета.

мѢРЕ GIGOGNE (въ восхищеніи) Неужь-по?

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ. Онъ ожень бриспально исвоилъ смопринъ на всѣкъ насъ.

СТАРАЯ N. А пуще на тебя, мой свѣтъ; того и гляди, что возьмушь ко Двору.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ. И здѣлають придворнымъ *mère de jabelle*? чпожь! ожень радъ.

мѢРЕ GIGOGNE. Ахъ, если бы и мою Dorothee взяли ко Двору!

въ званіи Камергера. Но шупки въ спорону: эпо дѣло возможное.

ДѢЙСТВИТ. КАМЕРГЕРЪ (входитъ запыхавшись) Мы сей часъ провожали Его Сіапельство, и...

много голосовъ. И чпоже? говорише скорѣ!

ДѢЙСТВИТ. КАМЕРГЕРЪ. Онъ опозвался о васъ, какъ нельзя лучше, и прибавилъ, что никогда не оставялъ концерта съ такимъ удовольствіемъ, какъ сегодня.

мѢРЕ GIGOGNE. О, теперь нѣтъ сомнѣнія! Спойтъ намекнушь и—дочь моя фрейлина!

СТАРАЯ N. Я берусь за эпо. Но почемужь только пвола дочь? Чѣмъ же хуже моя внучка?

СТАРЫЙ КНЯЗЬ. Или моя жена?

мѢРЕ GIGOGNE. Разумѣется, и она будетъ пожалована.

КАМЕРЪ-ЮНКЕРЪ. Только, Бога ради, не во фрейлины.

СТАРЫЙ КНЯЗЬ. Нѣтъ! въ спашс-дамы.

АРХИВНЫЙ ЮНОША (старой N робко) А меня въ Камеръ-Юнкеры? Вѣдь и я былъ въ хорѣ.

СТАРАЯ Н. (пономъ покровительства) Увидимъ.

АРХИВНЫЙ ЮНОША (весело Доротеѣ) Поздравляю васъ съ шифромъ.

ДОРОТНѢЕ (надменно) Для чего такъ рано?

КАМЕРЪ ЮНКЕРЪ. Скажите лучше: для чего такъ поздно?

ДОРОТНѢЕ (пошупивъ глаза) Vous êtes trop aimable. Ахъ, кспаши: были вы на живыхъ картинахъ?

КАМЕРЪ ЮНКЕРЪ. То естъ—на мершвыхъ?

ДОРОТНѢЕ. Почему такъ?

КАМЕРЪ ЮНКЕРЪ. Да развѣ живыя, прелестныя существа не становятся на время безжизненными спа-
луями?

ДОРОТНѢЕ. Но вѣдь это на минуточку. Я сама была въ сельскомъ праздникѣ, и чуть успояла на ногахъ. Вообразите: споялъ вопшъ въ эпсомъ положеніи, и не шевелился! (архивному юношѣ) А вы были на картинахъ?

ЮНОША. Нѣтъ-съ.

ДОРОТНѢЕ (на распѣвъ) Право? (опшвертывается)

ДРУГОЙ ЮНОША (громко) Ей, видно, мечтається, что она уже фрейлина.

МѢЕЕ СІГОСНЕ. Кто? дочь моя? Конечно! А каково шель дуэпъ?

АРХИВНЫЙ ЮНОША. Очаровательно! Особливо однитъ переходъ изъ минора въ мажоръ.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ. Гдѣ мамзель Тороде вмѣсто *фа* взялъ *фа діэзъ*?

АРХИВНЫЙ ЮНОША (съ энтузіазмомъ) Да, именно въ эпсомъ самомъ мѣспѣ!

ДѢЙСТВИТ. КАМЕРГЕРЪ. Однако пора сбираться домой. Теперь гораздо за полночь.

Группа аматеров расходится. Въ залѣ продолжаютъ толпиться. Всеобщій говоръ.

— J'étouffe! — quel beau spectacle! — ваша карета у подъѣзда! — adieu! — au revoir! — Ah, qu'elle est jolie! — mais la mire, oh! — Позвольте — нѣтъ мочи — étiez-vous bien placée? — juste au milieu et sept heures sans pouvoir sortir. — Куда ты! — въ клубъ — et moi, au lit! — Каковъ концертъ? — я ничего не слыхала. — C'est un vrai *rout Anglais*! — А вы были въ Англии? — Vos bourses, messieurs et mesdames. — Поздравляю васъ! — съ чѣмъ? — Mlle votre fille a chanté furieusement bien — elle sera demoiselle d'honneur — о, нѣтъ сомнѣнiя! — Ой, ой, ой, помогите! — Je me meurs! — Наконецъ! . .

ВТОРАЯ КАРТИНА.

Госпичная въ домъ старой Н. Всѣ сидятъ чинно около круглаго стола, на которомъ горитъ лампа. За ройляемъ сидитъ Dorothee, и поетъ романсъ: Plus d'espoir. По окончанiи, всѣ аплодируютъ.

АРХИДЬШЫЙ ВОЖОПА. Bravo! Charmant!

СТАРАЯ Н. Однако, что-то Его Сiятельство...

КАМЕРЪ-ЮНКЕРЪ. Онъ собирается уже въ обратный путь.

СТАРАЯ Н. И не слыхашъ, чтобъ говорилъ о концертѣ?

КАМЕРЪ-ЮНКЕРЪ. О томъ ни слова.

СТАРАЯ Н. (съ сердцемъ) Что-жѣ дѣлаешь мой Камергеръ! Вѣдь я молковала, чтобъ заводилъ рѣчь о музыкѣ... авось коснулись бы и пастъ... Насмѣху!

въ званiи КАМЕРГЕРА. (входя) Я сей часъ ошъ Миниспра.

СТАРАЯ N. Ну что, бапюшка? Ни слова?
 въ званіи КАМЕРГЕРА. Благодаря Бога, покуда ни
 слова.

СТАРАЯ N. Какъ, благодаря Бога? Что ты?

въ званіи КАМЕРГЕРА. Да вы о чемъ говорите?

СТАРАЯ N. А ты о чемъ говоришь?

въ званіи КАМЕРГЕРА. Я?... О томъ, что меня хопъли
 послать осматривать училища, и теперь замолкли.
 Очень радъ! Богъ съ ними!

СТАРАЯ N. Всякой о своемъ! Ну, чемужь пущь ра-
 доваешься?

въ званіи КАМЕРГЕРА. Да что я смыслю въ энихъ
 экзаменахъ? Къ тому-жь, право, нѣтъ охоты ломать
 коси по дорогамъ.

КАМЕРЪ-ЮНКЕРЪ. По моему бы, не мѣшало: васъ
 пожаловали въ дѣйствительные Камергеры.

мѢРЕ GIGOGNE. И въ самомъ дѣлѣ. Однако что-же
 говорятъ о нашемъ концертѣ?

въ званіи КАМЕРГЕРА. Да...ничего.

мѢРЕ GIGOGNE (съ жаромъ) Какъ ничего! И вы не за-
 говоривали о музыкѣ?

въ званіи КАМЕРГЕРА (ударивъ себя по лбу) Ахъ, поза-
 былъ! Да мнѣ не до того было.

всѣ (на него) Какіе вы! Возможно ли? Позабытъ о
 такомъ важномъ дѣлѣ! Ну, Камергеръ, одолжили!

въ званіи КАМЕРГЕРА. Помилуйте, пощадите!

дѢЙСТВИТ. КАМЕРГЕРЪ (входитъ) Поздравляю...

всѣ (къ нему) Что? Съ чѣмъ?

дѢЙСТВИТ. КАМЕРГЕРЪ. Была рѣчь о концертѣ.

мѢРЕ GIGOGNE. И что-жъ попомъ?

дѢЙСТВИТ. КАМЕРГЕРЪ. Ну, ничего.

СТАРАЯ N. И не общали молвить за насъ?

дѢЙСТВИТ. КАМЕРГЕРЪ. О томъ не было и въ поминѣ.

ТЕЛЕСК. Ч. III.

27

СТАРЫЙ КНЯЗЬ. Спало жеѣ не бытъ спатис-дамой?

ДѢЙСТВИТ. КАМЕРГЕРЬ. Нѣтъ.

MÈRE GIGOGNE. И Дорошевъ фрейлиной?

СТАРАЯ Н. Все о своей Дорошев! А моей внучкѣ?

ДѢЙСТВИТ. КАМЕРГЕРЬ. Ничего.

АРХИВНЫЙ ЮНОША. А мнѣ?

ДѢЙСТВИТ. КАМЕРГЕРЬ. И давно.

ЮНОША (элегически) И пшакъ мой шинный мундиръ
изчезъ, какъ сонъ!

ДѢЙСТВИТ. КАМЕРГЕРЬ. Однако, mesdames, не теряй-
те надежды. Бытъ можеть. . . .

СТАРАЯ Н. (съ глубокимъ вздохомъ и прощаяжно) Да,
бытъ можеть. . . съ живостию. А всему причиной мой
Камергеръ!

всѣ. Да, онъ, онъ одинъ.

MÈRE GIGOGNE (суется) Dorothee, Lisette, Annette,
Fanchette... мы всѣ... идемъ домой. Pauvre Dorothee!

За нею разѣзжаются и прочіе гости.

У П

—*—

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по ошпечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва 11
Іюля 1831 года.

Цензоръ и Кавалеръ Двигубскій.